

Александр ВАРГО

КРИСТМАС

там холодно,
очень холодно...

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго

Кристмас

«ЭКСМО»

2009

Варго А.

Кристмас / А. Варго — «Эксмо», 2009 — (MYST. Черная книга 18+)

ISBN 978-5-699-38775-5

Не лучшее место для встречи Нового года выбрали сотрудники небольшой коммерческой компании. Поселок, в котором они арендовали дом для проведения «корпоратива», давно пользуется дурной славой. Предупредить приезжих об опасности пытается участковый по фамилии Аникеев. Однако тех лишь забавляют местные «страшилки». Вскоре оказывается, что Аникеев никакой не участковый, а что-то вроде деревенского юродивого. Вслед за первой сорванной маской летят и другие: один из сотрудников фирмы оказывается насильником и убийцей, другой - фанатиком идеи о сверхчеловеке, принесшим в жертву целую семью бомжей... Кто бы мог подумать, что в среде «офисного планктона» водятся хищники с таким оскалом. Чья-то смертельно холодная незримая рука методично обнажает истинную суть приезжих, но их изуродованные пороками гримасы – ничто в сравнении со зловещим лицом, которыйкроется последним. Здесь кончаются «страшилки» и начинается кошмар...

ISBN 978-5-699-38775-5

© Варго А., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

38

Александр Варго

Кристмас

Она прокрались, как тать в ночи. Один за другим падали бражники в забрызганных кровью пищевых залах и умирали в тех самых позах, в каких настигла их смерть.

«Маска Красной смерти»
Эдгар По

События, изложенные в книге, являются плодом художественной фантазии автора. Все совпадения случайны.

Страна медленно залезала раны после войны, и люди, запрятав в глубину души скорбь, стремились вложить в растерзанные сердца хоть немного радости. Советский Союз уже привык к празднованию Нового года.

Разукрашенную ель, как чужеземный обычай, введенный Петром I, то разрешали, то запрещали... В первые годы Советской власти елку наряжали благодаря вождю – Владимиру Ильичу. Батенька, несмотря на то что по его инициативе умертвили десятки тысяч священников и разрушили столько же храмов, очень любил этот, по своей сути, религиозный праздник. Но зачастую для жестоких людей отдушиной является сентиментальность, и Ульянов-Ленин водил с детьми в Смольном рождественские хороводы, очевидно вспоминая полуза�отый Симбирск. После кончины Ильича елку запретили, как буржуазный и поповский пережиток, и только Сталин, спустя много лет, уже перед войной, стал частично воплощать в жизнь свои крылатые слова: «Жить стало лучше, жить стало веселей...» Новый год стали отмечать, но не везде.

На XX съезде партии был развенчен культ личности, наступила так называемая «хрущевская оттепель», и старинный праздник стал неотъемлемым атрибутом каждой семьи.

Была, однако, в нашей необъятной стране маленькая деревенька, где этот праздник практически никогда не отмечался. В этот день люди запирались в своих избах и боялись выходить на улицу.

Деревня Чертовка, Воронежская область, Алексеевский хутор,

Борис, весна 2000 г.

Видавшая виды «шестерка» съехала с асфальтированной дороги и загромыхала по щебенке. Мелкие камешки, вылетавшие из-под колес, гулко барабанили по днищу автомобиля.

– Долго еще ехать? – спросила у меня жена.

– Километров двадцать, – сказал я.

– Далековато, – заметила она.

– Ничего, зато будешь как графиня жить, – усмехнулся я. Посмотрел в зеркало заднего вида на Верочку – дочь дремала. Я сделал радио потише.

Если бы мне кто-нибудь еще год назад сказал, что я буду фермером, я бы просто посмеялся. А сейчас я, бывший преподаватель вуза с ученой степенью, Борис Николаевич Арбузов, вместе с женой Еленой и восемилетней дочерью еду в деревню Алексеевку. Типично для российской глубинки название.

Дочка с раннего детства страдала астмой. Врачи сразу сказали, что деревенский воздух для нее целебнее всех лекарств вместе взятых. Кроме того, у Лены было больное сердце. Денег на дорогостоящее лечение взять было неоткуда, и как-то, встретив одного давнего знакомого, я посетовал на эти невзгоды. Товарищ сразу же посоветовал взять беспроцентный фермерский кредит; оказывается, можно достаточно быстро получить свидетельство индивидуального предпринимателя, взять (за копейки или бесплатно) в аренду землю, составить бизнес-план и смело подавать документы на закупку инвентаря, техники, семян и т. д. Существуют специальные программы по развитию сельского хозяйства. А уж с торговыми организациями всегда можно договориться, чтобы реальная и отчетная цены отличались в нужную сторону. Короче, существовало множество вариантов, чтобы подлечить за счет целевого кредита супругу.

Хотя, если быть честным, этим выстрелом я хотел убить двух зайцев. Километрах в пятнадцати от Алексеевки находится местечко с колоритным названием Чертовка. Оно и являлось сейчас конечным пунктом нашей поездки. Насколько я был осведомлен, еще в дореволюционные времена там находилось имение барина, носящего фамилию Чертов. Судя по отрывочным сведениям, барин этот был богохульником, любил издаваться над своими крепостными крестьянами и проводил какие-то таинственные обряды.

Все это меня очень интересовало. Я увлекался этнографией и историей религии, защищил кандидатскую диссертацию и собирал материал на докторскую. Знакомый историк, зная мой интерес к обрядам и культурам, дал мне кое-какой материал по этой деревне. Дальше я стал собирать разрозненные данные, и вскоре начала складываться целостная картина. И когда мне стало известно, что большой двухэтажный деревянный дом, находящийся, правда, в обветшалом состоянии, с таким богатым прошлым, пустует, то вопрос о том, где мы будем жить, сразу отпал. Имение барина носило название «Алексеевский хутор». В революцию в этом доме находился штаб большевиков, позже с ними случилась какая-то темная история, и с тех пор худая народная молва лучше всяких сторожей защищала «Алексеевский хутор» от постояльцев. Дошло до того, что местные жители стали обходить это место за версту. И, самое интересное, особенно зимой.

Но все эти байки только раззадоривали меня, поэтому мне не терпелось скорее попасть в замок маркиза де Сада местного пошиба. И даже перспектива ездить несколько километров за продуктами, пока не обзаведемся своим подворьем, не пугала.

С собой у нас – только чемоданы с личными вещами. Все остальное наше нехитрое имущество я намеревался перевезти в ближайшее время.

«Шестерку» немного заносит в скользкой узкой колее, и она идет юзом. Солнце искрится и пылает в лужах, над черным полем висит легкая дымка. Извилистая дорога поворачивает к лесу, мы въезжаем в Чертовку. Брошенные дома с провалившимися крышами безжизненно зияют пустыми глазницами окон, местами наискосок забитых досками. Если кто здесь раньше и жил, то переехал в Алексеевку. А сейчас – никого. Одним словом, деревня-призрак.

– Какое мрачное место, – сказала жена, держась за ручку над дверью машины. – Ты хорошо все взвесил, когда выбирал именно этот дом?

Я неопределенно кивнул, но Лена все поняла.

– Конечно, как я сразу не догадалась, – со вздохом сказала она. – А я-то думала, ты о нас с Верой беспокоишься. Надеешься привидение в доме увидеть? Или скелет в подвале?

– О чём ты? – я даже немного обиделся. – Одно другому не мешает.

– Ну, рассказывай, – демонстративно зевнула Лена.

– Что именно? – Я сделал вид, что не понимаю, о чём она.

– Вряд ли ты поехал бы в такую глухомань, не зная, что об этих местах ходят какие-то слухи, – снисходительно пояснила она, с видом, мол, меня не проведешь.

Я кашлянул. Мы с Леной давно знали друг друга, и я решил, что вряд ли она будет против моего решения, когда узнает, какие *именно* слухи ходят об этой деревне.

– Когда-то тут поселился барин, его фамилия была Чертов, – начал я. – Собственно, отсюда и название деревни. До него деревня носила название Алексеевка, и потом, когда люди побросали дома и переселились подальше отсюда, они стали называть свою деревню Новая Алексеевка, а Чертовку – Старой Алексеевкой.

Впоследствии осталось только два названия: Чертовка, где уже никто не жил, и Алексеевка. Этот барин как-то провинился перед государственной властью, после чего был лишен дворянского сословия. Правда, имение у него не забрали и позволили жить в глухоманьи, при том, что он имел сорок душ крепостного люда. Чем он тут занимался – доподлинно неизвестно, но крестьяне пытались бунтовать, были попытки даже спалить Чертова. Но каким-то таинственным образом все ему сходило с рук.

Я заметил, что Лена слушает меня вполуха, с куда большим интересом поглядывая в окно. Однако я не обиделся (что и говорить, хобби у меня своеобразное) и увлеченно продолжил:

– Существовала также легенда, что барин разбудил какое-то древнее зло, и если в Чертовке погибал тот, на чьей душе имеется грех убийства, то он превращался в некое существо, вроде как в оборотня. Это существо, живой труп, нападало на людей, и уничтожить его можно было только огнем или с помощью осинового кола, вбитого в сердце. Здесь не было церковного прихода и сельского погоста. Поэтому всех покойников в Чертовке сжигали сразу же после смерти. Так, на всякий случай. Власти боролись с этой дикостью, но безуспешно. Потом в этом месте, уже при Сталине, организовали в приказном порядке колхоз, так как к этому времени никто добровольно здесь жить не хотел.

– Как я понимаю, мы там будем жить одни? – уточнила Лена, и я уловил промелькнувшую в ее голосе тревожную нотку.

– Да, я же говорил тебе, – спокойно ответил я. – Ты боишься?

Лена тихо засмеялась.

– С тобой нет, богатырь.

– Конечно, были и труднообъяснимые факты, – вернулся я к истории Чертовки. – Например, люди были уверены, что темные силы проявляют активность только под Новый год, и в это время не только не отмечали праздник, но и старались не выходить из дома. И сезонная статистика пропавших без вести в этих местах подтверждала эту теорию. Хотя можно предположить, что зимой люди могли попросту замерзнуть, стать добычей медведя-шатуна или стаи волков. Были и документально зафиксированные случаи исчезновения тел погибших, но их могли попросту тайком скечь суеверные деревенские жители.

– Бред какой-то, – фыркнула Лена.

– Схожие поверья существуют у многих народов, вне зависимости от культурных традиций и религиозной принадлежности, – пожал я плечами. Дорога становилась хуже, и я сбавил скорость, чтобы не разбудить дочь.

– Я собрал целую коллекцию преданий, проанализировал их, и могу тебе ответственно заявить, что так называемые «гибкие» места, где веками хозяйничали потомственные колдуны, черные шаманы или ведьмы, действительно существуют.

– Да уж, занятно, – протянула жена, когда я замолчал.

* * *

Вскоре мы были у дома. Мраморных колонн там, конечно, не было, но потемневшие от времени доски обшивки были вполне крепкими. Внутри были две печки и настоящий камин. Огромный подвал был забит разным хламом, словно тут жил Плюшкин. Пока мы с женой мыли полы и вытирали вековую пыль, дочка, привыкшая к тесноте коммуналки, с визгом носилась по скрипучей лестнице, ведущей на второй этаж.

В какой-то момент за забором послышался звук автомобильного двигателя. Я выглянул в окно и увидел милицейский «уазик». Из машины выбрался высокий широкоплечий мужчина в милицейской форме и подошел к воротам. К моему немалому удивлению, он ловко открыл потайную задвижку на калитке, словно делал это многократно, и уверенно зашел во двор.

– Аникеев Андрей Андреевич, участковый инспектор, – представился он, поднеся ладонь к околышу фуражки.

Инспектор носил звание майора, был еще относительно молод, но сеточка морщинок около глаз и седеющие волосы говорили о том, что о жизни сельский милиционер знает не понаслышке. Торчащие, как у моржа, усы, засаленный китель и крепкое рукопожатие – вот первое, что отложилось в моей памяти с первых минут знакомства. Через полчаса мы уже пили чай из старинного самовара, невероятным образом сохранившегося в доме.

– Вы, наверное, уже слышали про это место, раз выбрали именно Чертовку? – спросил инспектор, пронзительно щуря карие глаза.

Я объяснил, что меня, как этнографа и религиоведа, очень интересуют местные легенды и обряды, и я полагал, что, поселяясь здесь, могу получить материал для диссертации и монографии, как говорится, «из первых рук».

Майор с шумом отхлебывал чай, поглядывая на меня. Воцарилась неловкая пауза, и лишь спустя минуту до меня дошло, что он не решается говорить при моей семье. Я сделал знак Лене, и она, многозначительно фыркнув, повела укладывать спать Верочку.

– Как вы думаете, сколько по России фиксируется ежегодно пропавших без вести? – неожиданно резко спросил участковый.

Я выжидательно молчал.

– Порядка сорока тысяч человек, – милиционер откинулся на резную спинку старого венского стула. – Они же не могли все скопом случайно утонуть и не всплыть, зацепившись за коряги? Я на это вот что скажу, Борис. Просто есть такие места вроде Чертовки. Тут каждый год пропадают люди. Вам не кажется странным, – продолжал он, – что этот барский дом до сих пор не разграбили охотники за стариной, которые обычно деревни шерстят? А ведь сейчас двухтысячный год уже идет! Просто эти любители легкой наживы так же пропали, как и другие. У меня своя статистика. Хотите послушать один рассказ?

г. Воронеж, Краснопартизанский район, деревня Алексеевка,

27 декабря 1948 г.

– Здравствуйте, Савелий Иванович! Садитесь, пожалуйста. – Маленький полный человек в коричневом костюме, сидевший за огромным дубовым столом Т-образной формы, чуть привстал, обращаясь к седому мужчине в военном кителе, из-под которого выглядывала тельняшка.

Тот присел на один из стульев, шеренгой выстроившихся вдоль стола для заседаний, а хозяин кабинета, наоборот, сполз с потертого черного кожаного кресла и стал расхаживать взад и вперед, заложив руки за спину.

– Видите ли, товарищ Лукьянов, – человечек покрутил головой, стараясь высвободить полную шею из тугого накрахмаленного воротника рубашки. – Принято решение направить вас по линии партии в район для выполнения очень ответственного поручения. С вами поедет оперуполномоченный НКВД Блюхер Сергей Алексеевич. Он и объяснит подробно, в чем суть дела. Завтра за вами заедет машина.

Оперуполномоченный, безуспешно борясь с нервным тиком, периодически пробегающим по его лошадиному лицу, говорил тихо и монотонно:

– Если вы спросите, не родственник ли я того самого Блюхера, – отвечу: нет. Мы едем в колхоз имени Десятого партсъезда, в Краснопартизанский район, разобраться на месте со странной ситуацией. Там есть деревня с названием Чертовка, недалеко от нее расположена другая деревня – Алексеевка. Так вот, в Чертовке люди начали пропадать, участковый милиционер – и тот исчез. Народ дома побросал, какие-то сказки про леших рассказывает, в Алексеевке паника! Поле, которое рядом с лесом, между деревнями, в этом году даже не засеяли. Степи распахиваем, а Черноземье простирает! Одного председателя уже расстреляли как врага народа. Сейчас второй напрашивается. Пока, для начала, только из партии поперли, да собрание организовали, чтобы с должности снять. А народ за него – горой! Я думаю, что какие-то провокаторы, из местных, воду мутят. Посмотрим, нам полномочия даны большие. Вы – коммунист с большим стажем, я тоже человек опытный. От нас ждут конкретного результата.

Председатель, простой и открытый с виду человек, встретил гостей с радушием. В сельсовете был накрыт богатый, по деревенским меркам, стол: соленые огурчики, помидоры бочкового засола, квашеная капуста, сало с дымящейся картошкой. В центре стола красовалась бутыль самогона. Председатель разлил мутный первач по стаканам. Лукьянин с колхозником выпили, Блюхер отказался.

– Рассказывайте, что тут у вас творится, Емельян Егорович. – У оперуполномоченного снова стало дергаться лицо, и он словно невзначай прикрыл его рукой.

– Что тут рассказывать, – вздохнул председатель. – Бегут люди, боятся. А в последнюю неделю декабря и вовсе начинается какая-то чертовщина. Кто пропадает, а то и еще хуже...

– Что касается чертовщины, – стыдитесь! Вы же взрослый человек, атеист, коммунист... – Блюхер запнулся. – Бывший. Может, еще и в бога верите?

Председатель отвел глаза, как нахкодивший подросток, и молчал.

Оперуполномоченный сделал паузу и продолжил сурохо:

– Понятно! Ну и что значит «хуже»?

Емельян Егорович замялся и нехотя выдавил из себя шепотом:

– Мертвцы ходят.

– Да-а... – протянул Блюхер, – не зря вас из партии исключили. В то время, когда советские ученыедвигают мировую науку на передовые рубежи, наши летчики совершают беспосадочные перелеты по странам, вы тут культивируете средневековые предрассудки, срываете план по зерновым. Статья по вас плачет, Емельян Егорович!

Председатель сгорбился и втянул голову в плечи.

– Пойдем поговорим с людьми, Савелий Иванович, с активом. – Блюхер хлопнул Лукьянова по плечу и поднялся из-за стола, даже не взглянув на нерадивого председателя.

Поскольку стоял декабрь и колхозники в основном лишь ухаживали за скотиной да чистили снег, энкавэдэшник полагал, что сельский сход удастся организовать быстро. Но он ошибался. Люди наотрез отказывались выходить из домов. Кроме того, Лукьянин обратил внимание, что на каждой калитке был мелом или краской нарисован тройной крест. Сергей Алексеевич только укоризненно качал головой, глядя на это безобразие. Наконец после долгих уговоров общими усилиями колхозников удалось собрать. Причем выходили они из домов так, словно собирались на Куликовскую битву: некоторые несли ружья, кое-кто топоры и вилы. Когда Блюхер и Лукьянин последними зашли в прокуренный деревенский клуб, председатель уже ждал их в президиуме, за столом, покрытым линялой и грязной красной тряпкой. Народ сидел на грубо сколоченных лавках, переговаривался и сорил шелухой от семечек. Оперуполномоченный окунул взглядом зал, украшенный портретами Ленина, Сталина и Карла Маркса, и пробрался в президиум. Савелий Иванович сел рядом.

– Здравствуйте товарищи колхозники! С наступающим вас Новым годом! – встал Блюхер. – Нас прислали из города для оказания помощи. Тут ваш председатель нам сказки про ходящих покойников рассказывал. Как же вы дошли до такой жизни?

Собравшиеся мрачно молчали. Через какое-то время поднялся старый дед в засаленной ушанке.

– Милок! Все как есть правда! – кряхтя, он бросил недокуренную самокрутку, раздавил ее валенком и смачно плюнул. – Я видел, как тебя сейчас!

– Что видел? – вмешался сидящий за столом Лукьянин.

– Мертвяка! Истинный крест! – Дедок начал было креститься, но его рука застыла в воздухе под суровым взглядом оперуполномоченного. – Как на духу. Федька Матрос пропал еще в прошлом году…

– Федор на флоте служил, – пояснил стремящийся загладить свою вину председатель, тяжело дыша Блюхеру в ухо табаком и чесноком.

– …А вчера, под вечер, иду в свинарник, а он около забора стоит. Голова – разбитая, глаза белые, закатились. Собака у меня злючая, а тут заскулила и в конуру улезла. Я, понятное дело, бегом в избу!

– Не врет Митрич! – к разговору подключился высокий мужчина, статью и кучерявой бородой напоминавший былинного богатыря с лубочной картинки. – Я тут охотой промышляю, пошел как-то в лес под Новый год. Подстрелил, думаю, зайца, другого к праздничному столу. Собаку еще с собой взял. Я в деревню недавно приехал, так что раньше тоже ничему не верил. Люди отговаривали, а я посмеялся, взял ружье и – в лес. А там на меня покойник напал. Пес убежал, я в мертвяка стреляю, а его пули не берут! Идет на меня и скалится. Такой страх пошел: все, думаю, капут тебе пришел, Ваня! На медведя с ножом ходил, а тут – оцепенел!

– Ну и что? – спросил заинтересовавшийся рассказом охотника Лукьянин.

– В яму он попал, а иначе не стоял бы я сейчас перед вами.

– В какую такую яму?

– В звериную, – ответил Иван. – «Местные специально эти ямы делать стали, с осиновыми кольями. Иначе мертвяков ничто не берет. Знахарка из Алексеевки подсказала: с ними, говорит, как с вурдалаками, надо. Как ловушек нарыли, так попадаться стали!»

– И куда же вы их деваете потом? – продолжал расспросы Лукьянин. Блюхер до глупого диалога демонстративно не снисходил.

– Крючьями вытаскиваем и сжигаем, – пояснил встравший в разговор дедок. – А вообще места тут гибкие… Кто поумнее или помоложе – те уехали. А нас вот даже мертвяки выжить не могут. Да они и опасные только под Новый год! После – в спячку, наверное, укладываются. Вот бы их норы найти! Ведьму местную надо потрясти!

– Все, хватит! – не выдержал оперуполномоченный, лицо его задергалось так, что некоторые колхозники стали креститься. – Ведьмы, лешие, живые покойники… Чушь все это собачья! Значит, вы утверждаете, что вокруг деревни сейчас ходят какие-то мертвяки?! Если кто и ходит, так это провокаторы ряженые, враги Советской власти! А вы и уши развесили! Вас запугать – раз плюнуть! Вот ты, – и Блюхер ткнул пальцем в охотника, – проводи нас в лес, и сам убедишься, что это брехня, и другим расскажешь.

– Хоть стреляйте, не пойду! – наотрез отказался колхозник.

– Тогда мы сами пойдем! – оперуполномоченный посмотрел на Лукьянова, и тот уверенно кивнул, хотя по спине Савелия Ивановича пробежал неприятный холодок.

– Вот сейчас и пойдем, откладывать не будем, развеем ваши религиозные предрассудки. Лыжами нас обеспечьте! – сказал Блюхер, обращаясь к председателю.

Когда они выходили из клуба, колхозники уже не шушукались, а смотрели на городских с сочувствием, как на больных. Никто не встал с места.

Председатель снабдил приехавших валенками и лыжами, причем Савелию Ивановичу досталась лыжа с обломанным концом. Емельян Егорович предложил взять и ружья, но оперуполномоченный вместо ответа лишь вытащил и покрутил тяжелый пистолет «ТТ» с дарственной надписью на рукоятке.

Стоял легкий морозец, на прозрачном небе светила полная луна. Было светло, как днем.

– Слушай, товарищ Блюхер, а если волки? – Лукьянин еле успевал за оперуполномоченным, хотя тот прокладывал лыжню. Чекист явно занимался в прошлом лыжным спортом.

– Мы далеко не пойдем, – слова оперуполномоченного съедал снежный хруст. – Да и что нам волки, с двумя пистолетами-то.

Видно было, что Блюхеру не терпится вывести на чистую воду трусливых и лживых колхозников. Савелий Иванович даже представил, как они возвращаются и в глазах народа горит неподдельное восхищение их бесстрашием.

Они шли вдоль громады леса. Лукьянин гнал от себя нехорошие мысли, хотя, как назло, после всех этих рассказов за черными соснами, отливавшими в лунном свете серебром, ему мерещились какие-то тени. Оперуполномоченный взял левее, ближе к лесу, и теперь разлапистые ветви касались их плеч. Савелий Иванович незаметно расстегнул кобуру и заметил, что Блюхер сделал то же самое. Внезапно впереди что-то взметнулось, и Савелий Иванович вскрикнул. Что-то черное, громадное, с глухим ворчанием поднялось прямо перед ними и навалилось на Блюхера...

Колхозники, по-прежнему сидевшие в клубе, не удивились, когда туда через пару часов ввалился шатающийся Савелий Иванович. Он был без шапки, с наганом в руке и с совершенно безумными глазами.

– Утащил... – бормотал он срывающимся голосом. – Утащил, прямо в лес... Черный, с зубами...

– Это еще не все, – проговорил дедок, сворачивая корявыми пальцами очередную самокрутку. – Теперь его товарищ сюда пожалует, за ним. Давайте решать, кто его на постой-то примет?

– Я приму, – медленно произнесла баба неопределенного возраста, закутанная в старый пуховой платок. – Мне терять уже нечего.

Люди начали расходиться по домам, причем шли осторожно, держа наготове средства самообороны. Последними из клуба вышли три человека: совершенно отрешенный от всего Лукьянин, продолжавший сжимать в руке револьвер, принявшая его на ночлег женщина, и Емельян Егорович.

Савелий Иванович ясно понял: его жизнь разделилась на «до» и «после». Потом были грязные сени с какой-то бочкой, кучкой дров и истощно мяукающей кошкой.

Как в каком-то полуслне, его заставили раздеться, но ощущение тревожности, захлестнувшее душу, заставляло сжимать наган и готовиться к неизбежному.

Савелий Иванович лежал на пахнущей затхостью простыне, и лунный свет, проникавший в маленько оконце, бередил душу и не давал уснуть. Нахлынул запах женского пота, молока и сена, и Лукьянин полностью отдался во власть происходящему.

Окровавленное лицо Блюхера, прижавшееся к тусклому стеклу, не смогло выдернуть Савелия Ивановича из сладостной истомы.

Женщина среагировала первой и метнулась в чулан за ружьем. Звук упавшей кастрюли стряхнул с Лукьянова сказочную эйфорию и заставил вернуться на грешную землю.

Кожа с лица оперуполномоченного была содрана, на разорванных губах играла мертвая ухмылка. Неестественно выпуклые глаза горели сумасшествием. В горле у Савелия Ивановича застыл нечеловеческий вопль, и в этот момент начало плеваться огнем ружье. Потом звякнул крючок на входной двери.

– Савелий, Савелий! – кричал пронзительный женский голос. – Не выходи!

Растрапанная баба, одетая, несмотря на мороз, в ночную рубашку и валенки, трясущимися руками пыталась перезарядить двустволку. Заряд картечи угодил Блюхеру в голову, но

он, упав, поднялся и, пошатываясь, медленно стал подниматься на крыльцо. Лукьянин выстрелил пару раз из нагана, потом метнулся к дровнику и выдернул из толстого пенька топор-колун.

Оперуполномоченный с неожиданной прытью бросился к сараю и схватил прислоненные к нему вилы. Пригнувшись, он и Лукьянин стали кружить друг напротив друга, как бойцовые петухи. Захлебывались лаем собаки, женщина, плача и путаясь в давно упавшем на землю пуховом платке, ползла на четвереньках к дерущимся. Мелькнул топор, раздался чавкающий треск, и череп одного из мужчин раскололся надвое. Ночную деревню всколыхнул истощный женский крик. Лукьянин, судорожно сжимая двумя руками топор, застыл на месте и, словно загипнотизированный, смотрел, как его жертва, вопреки законам природы, не падает, а медленно приближается к нему. В отчаянии Савелий еще раз взмахнул топором, но наткнулся грудью на вилы, которые с огромной силой пригвоздили его к сараю. Колун со стуком упал на землю. То, что еще недавно было Блюхером, вплотную подошло к Лукьянину, который, уронив голову на грудь, в смертельной агонии подергивал руками и ногами. Существо как бы обнюхало Савелия Ивановича остатками носа, удовлетворенно заурчало и побрело восвояси.

Женщина поднялась на ноги и медленно подошла к Савелию. В сухих глазах светилось тихое безумие. Всхлипывая от напряжения, она резко выдернула вилы, и тело мужчины, оставляя кровавые полосы на потемневших от времени досках, сползло на покосившийся порожек. Спокойно и деловито баба зашла домой, надела свалившийся от времени заштопанный овчинный полушибок и взяла самое ценное – большую бутыль с керосином. Подумав, она захватила еще и вилы, окрашенные кровью. Женщина посмотрела пустыми глазами на наряженную елку, кукольного Деда Мороза и вышла.

Уже стало совсем темно, когда участковый закончил рассказ. Жена с дочкой давно спали, а мы продолжали сидеть за столом, освещаемые зеленоватым светом настольной лампы с выбитым из абажура куском стекла.

– Что вы на это скажете? – Майор покрутил чайной ложкой в пустой чашке.

Я задумался, а потом спросил:

– А куда эта женщина с керосином пошла?

Участковый посмотрел по сторонам и, помедлив, коротко сказал:

– Ведьму жечь. Но это уже отдельный разговор! Ее, кстати, посадили тогда, лет на двадцать. Эта история меня заинтересовала потому, что этот самый Лукьянин приходится мне дядей по материнской линии, – неожиданно произнес он. – Я тут всех стариков и старух опросил, и картина получилась довольно детальная. Официальные власти заявляли, мол, обычная бытовуха. Подрались мужики из-за бабы, с кем не бывает. А нет, есть маленькая неувязочка. Дядя отчетливо видел и рассказал колхозникам, что уполномоченного утащило неизвестное существо, которое пули не берут. Предположим, что на энкавэдэшника напал медведь. Тогда Блюхер ни за что бы не вернулся из леса. А он вернулся, да еще на Лукьянина напал. Вот так вот! Трупы-то так и не нашли тогда. А на вилах и топоре, среди прочих, обнаружили отпечатки пальцев Блюхера и дяди.

– Дальше – больше! – Майор опять встал. – Пропали тут как-то двое заезжих браконьеров, по зиме уже. Нашли машину и одно ружье с треснувшим прикладом. На прикладе – отпечатки пальцев. Кого бы вы думали? Блюхера! Того самого, который шестьдесят лет назад пропал!

Я молчал, пытаясь осмыслить поток информации.

– Ладно! – Участковый крепко пожал мне руку и пошел к выходу. – Познакомились, поговорили для первого раза – и хорошо. Папочку с материалами я вам оставлю. В ней много интересного про Чертовку найдете. Между прочим, тут все беды в основном под Новый год происходят.

Взревел мотор с прогоревшим глушителем, по окну полоснул свет фар, и милиционер уехал.

Спать не хотелось. Я прошелся по большой столовой, и мое внимание привлекла старая пожелтевшая фотография в коричневой рамочке. Очевидно, это было чье-то семейное фото. По спине поползли мурашки: на фотографии стоял я с женой и дочкой.

Фирма «Информационный центр «Плюс»,

г. Воронеж,

25 декабря 2008 года

Зима наконец прогнала назойливую осень, сковав своим ледяным дыханием лужицы недавней слякоти. Даже лица Деда Мороза и Снегурочки на огромном рекламном щите заиграла, казалось, настоящим крепким румянцем. Торговцы елками и мишурой, мигающие гирлянды на разукрашенных витринах, нескончаемые потоки прохожих, спешащих купить то, что еще не успели, – все слилось в предпраздничной суете и эйфории.

Предновогодняя атмосфера царила и в небольшом офисе, в самом центре города. Общую комнату по диагонали пересекала разноцветная гирлянда, а огромные серебристые снежинки, приклеенные на оконные стекла, словно говорили прохожим: «С Новым годом!» Девушки колдовали за сервировкой небольшого стола, и незабываемый запах мандаринов, словно выхваченный из далекого детства, смешивался с терпким ароматом разлапистых сосновых веток, поставленных вазочки возле компьютеров. Мужская половина, приготовив бутылки с шампанским, дымила сигаретами.

Входная дверь распахнулась, и на пороге появился полноватый молодой мужчина в дорогое кожаном пальто. Он обвел взглядом присутствующих и не спеша поправил съехавший набок яркий галстук. Стارаясь казаться серьезным, он тем не менее немного переигрывал. Чертесчур нахмуренные брови и суровое покашливание никого не смогли обмануть.

Первым среагировал долговязый темноволосый парень с кардинальской бородкой, наряженный в красную шапочку Санта-Клауса.

– Здрав буде, боярин! К фуршету все готово! – Он широко махнул рукой в сторону накрытого стола.

Виктор Бояринов, он же директор фирмы, в другое время среагировал бы на фамильярность своего менеджера Сергея иначе, но сейчас он был снисходителен и подыграл ему, махнув кейсом:

– Пшел вон, холоп! Не до трапезы нам сейчас!

Улыбнувшись, он торжественно объявил:

– Финансовый год закрыт, все отчеты и балансы сданы!

Сергей с напускной серьезностью зааплодировал.

– А где же вы главбуха потеряли, Виктор Степанович? – спросила жгучая брюнетка с высокой грудью.

– Никто никого не терял. – В комнату быстрым шагом вошла женщина, всплотившая в себе собирательный образ неприступной, но сексуальной молодой учительницы. Холодные серые глаза брызнули льдом из-под очков в красивой оправе.

– Так, все за стол! – Бояринов галантно помог бухгалтеру снять пальто. – Сергей, наливай!

– Минуточку внимания, – директор постучал вилкой по бокалу. – Как говорят в Одессе, я имею вам сказать пару слов. В целях укрепления корпоративного духа и взаимопонимания, в связи с предстоящими выходными днями… Короче, я дал объявление: «Фирма арендует на новогодние каникулы дом за городом». Вчера позвонил знакомый риелтор и сообщил, что нашелся интересный вариант. Какой-то отшельник, живущий за городом, предложил погостить бесплатно. Якобы ему скучно, и на каждый Новый год он приглашает гостей. Отказ от совместного отдыха буду рассматривать как попытку саботажа!

Ксения Петрова, бухгалтер фирмы

«Информационный центр «Плюс»,

ночь с 24 на 25 декабря.

Утро 25 декабря 2008 г.

Я иду по сумрачным зарослям, где ключья тумана повисли на голых скрюченных ветвях, выхожу на какую-то полянку. И… попадаю в сказку! Искрящийся лес, окутанный серебристо-голубым инеем, застыл в безмолвном величии. Вдруг тишину пронизывает тоненький голосок какой-то птички: «Пиу – пиу!» Еще раз, уже где-то рядом со мной. И вот уже десятки, сотни невидимых хрустальных колокольчиков звучат вокруг меня, заставляя кружиться голову. Сердце падает куда-то вниз и летит в нескончаемом сладостном полете. Неведомая сила влечет меня, сильнее, сильнее… И вот я уже бегу, а, может быть, лечу. Да, лечу сквозь это великолепие. Вижу темную проталину с осколком замерзшей воды. Она приближается. И я вижу… Господи!!! Это он!!!

Пробираюсь от своего крика. Некоторое время прихожу в себя, потом, не включая ночника, нащупываю пачку сигарет, свалив при этом на пол баночку с кремом и мобильный телефон.

Подхожу к окну и смотрю, как свет фонарей, размазанный по мокрому асфальту, вскипает маленькими пузырьками под порывами холодной морози. Ну и декабрь! Первая же сигаретная затяжка отбрасывает меня назад, в прошлое, когда беззаботная десятилетняя девочка верила в новогодние чудеса, радовалась какой-то ерунде вроде Деда Мороза и обижалась по пустякам.

Ненависть к брату поселилась в моей душе задолго до его рождения. Все дети по своей природе эгоисты, и я не была исключением. Все мое маленькое существо бунтовало, когда шли бесконечные разговоры о НЕМ. Глядя на светящиеся тихим счастьем лица родителей, когда отец нежно гладил выпуклый живот матери, я тряслась от злости и обиды. Нарочно разбитые чашки, оторванные куклам руки и ноги не могли привлечь ко мне такого внимания, какое было уделено ЕМУ. В один прекрасный момент меня осенило: отец НИКОГДА НЕ ХОТЕЛ МЕНЯ. ОН ВСЕГДА ХОТЕЛ ТОЛЬКО СЫНА! По ночам я плакала в подушку и изобретала план мести. Убежать из дома? Отравиться, выпрыгнуть из окна? «Им будет от этого только лучше», – шептала я, кусая губы.

Братик оправдал надежды родителей и родился красивым крепышом. Если бы он кричал, плакал, капризничал – мне было бы легче. А он только смешно кряхтел и, улыбаясь, тянулся пухленькими ручками ко всем, кто подходил к кроватке.

«Вот это твоя сестричка Ксюша», – говорила мать, и он что-то лепетал в ответ.

Был декабрь, как и сейчас. Только стояла не дождливая слякоть, а самая настоящая зима с колючим морозцем. Мы ходили по магазинам, делали какие-то предпраздничные покупки. Потом мама зашла в аптеку, поручив мне присматривать за коляской с братом. Мягкий мохнатый снег падал мне на горящие отчего-то щеки и стекал тоненькими струйками на шею. Я вдруг отчетливо поняла, что другого шанса может и не быть.

…Пепельница уже до краев наполнилась смятыми окурками. Достаю из шкафа початую бутылку «Мартини», потом, подумав, ставлю ее обратно. Проклятый сон, поднял муть с самого дна души! Надо бы немного поспать. Глотаю таблетки фенозепама и димедрола. Убойное сочетание не оказывает на меня никакого действия…

Дальше вижу все со стороны, как в замедленном просмотре. Маленькая девочка в смешной шапочке с помпоном оглядывается, быстро откидывает педальку тормоза коляски, и та начинает медленно катиться в сторону дороги. Шофер грузовика ничего не заметил и затормозил уже потом, среагировав на крики людей.

Вой матери привел меня в себя. Это был именно вой: надсадный, тяжкий, с грудными всхрипами. Вся безысходность мира была в этих звуках. И что-то умерло во мне с этого момента, ноги сами повели туда, где уже толпились люди. Я пыталась протиснуться, меня отталкивали… От розового живого человечка осталась половина головы. Все остальное было размазано по сломанной коляске. Уцелевшее колесо на ней крутилось, постепенно замедляясь, и я завороженно глядела на это останавливающееся время.

…Заиграл будильник на мобильном телефоне. Зажигаю свет, поворачиваюсь к зеркалу то одной щекой, то другой, любуясь кругами под своими глазами, потом ставлю кофе…

Мать превратилась в седую старуху буквально за один день. Я смотрела на отца широко раскрытыми честными глазами и уверяла, что коляска случайно сорвалась с тормоза. Говорила, что пыталась спасти брата, и наглядно демонстрировала грязную одежду, которую выпачкала, пролезая под ногами зевак к окровавленным останкам брата. Отец слушал с окаменевшим лицом и молчал. Не знаю до сих пор, поверил ли он мне?

На похоронах мы с ним стояли отдельно. Мать лежала в больнице. Видно, сердце что-то тогда подсказало отцу, и он заказал могильную ограду больших размеров, чем требовалось. Вскоре там же похоронили и мать. Мы с отцом жили под одной крышей, но почти не общались. У каждого была своя жизнь. Через несколько лет отец переехал к какой-то женщине, оставив мне квартиру, и наши пути разошлись окончательно.

Раскаивалась ли я? Вряд ли. Раскаиваюсь ли теперь, анализируя свой поступок с высоты двадцати пяти лет? Вопрос сложный. С одной стороны, маленькая девочка и взрослая женщина – разные люди. Значит, брата убила не я? С другой стороны…

Один внутренний голос, мощный и властный, говорил: «Маленький братик, которого ты убила, наверняка попал прямиком в рай. А если бы он вырос, наделал грехов? Значит, в рай попасть ему помогла именно ты». Другой голос отвечал еле слышно: «Ты стала причиной смерти двух самых близких людей: брата и матери. И это большой грех». Первый голос убеждал: «Ты же не убивала. Это просто стечение обстоятельств!» И убедил. Я как-то захотела навестить могилу матери и брата, но неведомая сила остановила меня у кладбищенских ворот. Это была первая и последняя попытка.

Захожу в ванную комнату и сбрасываю халат. В зеркале отражается стройная красивая женщина с гладко зачесанными назад русыми волосами. Маленькие аккуратные груди с красивыми сосками, плоский живот. Включаю горячую воду и встаю под душ. Тело колет как иголками. Поверхность зеркала запотевает, и мне внезапно кажется, что я вижу ЕГО.

Точно вижу!! Внезапно каждую мою клеточку охватывает дикая ненависть. Даже еще сильнее, чем в детстве. Убила бы ЕГО я сейчас? Да, Да!!! – уже не думаю, а кричу я в зеркало. ТЫ ВИНОВАТ В ТОМ, ЧТО У МЕНЯ НЕ СТАЛО МАТЕРИ И ОТЦА, ЧТО НЕНАВИСТЬ

ВО МНЕ ПОСЕЛИЛАСЬ НАВСЕГДА, ЧТО Я НИКОГДА НЕ ИСПЫТЫВАЛА ОРГАЗМА С МУЖИКАМИ, ЧТО МНЕ ВСЕ ЧАЩЕ СНЯТСЯ ЭТИ ИДИОТСКИЕ СНЫ!!!

Братик в зеркале доверчиво улыбается и протягивает ко мне ручки. Потом начинает стягивать с лица кожу, и я вижу только половину черепа с единственным выпущенным белым глазом, окутанным сеточкой пульсирующих кровеносных сосудов. Легкие сжимает ледяная рука, сердце проваливается, и сил кричать нет. Рука самопроизвольно срывает рассеиватель от душа с кронштейна и с размаху бьет им по зеркалу. Один осколок больно ранит мне живот. Вид крови, тоненькой струйкой стекающей на лобок, действует отрезвляющее. Голая, мокрая и одуревшая, плетусь на кухню, где убежавший кофе распространил непередаваемый аромат.

Сотовый телефон разрывается. Звонит Виктор – директор фирмы, где я работаю бухгалтером, и, захлебываясь от негодования, говорит, что ждет меня в машине у подъезда целых пятнадцать минут. Ничего, подождет...

Наклеиваю пластырь на живот, привожу себя в порядок и вылетаю из квартиры.

Сергей Бакунин, менеджер фирмы

«Информационный центр «Плюс»,

25 декабря 2008 г.

В целях укрепления корпоративного духа... Обхохочешься! Хорошая собирается компания, ничего не скажешь. Все друг друга ненавидят, но старательно делают вид, что это не так. Правда, ненависть иногда вырывается наружу. Говорю, что выйду подымить на улицу. Обойдется минут десять без дежурного клоуна.

На улице морозно, и прямо из воздуха возникает мягкий снежный пух. Щелкаю зажигалкой и с наслаждением затягиваюсь. И вправду говорят, что первая затяжка все равно как первый поцелуй.

Наблюдаю за прохожими. Вот парочка идет, наверняка еще школьники. Пирсинг, черные лохматые пряди... Неформалы, бляха-муха. За ручки держатся, улыбаются. Откровенно говоря, не люблю, когда люди улыбаются. В животе возникает горячий комок, начинает ныть желудок. Может, у меня язва? Затягиваюсь глубже и с ненавистью смотрю им вслед. На спинах черные рюкзачки с черепами. Символ смерти. Что вы можете знать про смерть, малолетки хреновы?!

На улицу выходит наш компьютерщик Макс Фирсов. Настроение портится окончательно. Вот уж кого терпеть не могу, так это его. И он это прекрасно понимает. Какого же черта ты сюда приперся? Максим спрашивает у меня закурить, и я чувствую, как у меня сносит планку. Едва сдерживаясь, трясущимися пальцами выуживаю из пачки сигарету.

Все свободное время (благодаря своей квалификации его у него предостаточно) Макс тратит на компьютерные игры. Его интересуют не гонки и не стратегии. Он играет только в те игры, где нужно убивать. И всегда от первого лица. Для непосвященных объясняю: на мониторе он видит свои руки с оружием. Конечно, он может нажать клавишу и увидеть себя со стороны, но это Фирсову неинтересно. Только руки и жертва! Все игры сводятся к одному: сумел зарезать быстренько человек пятьдесят, залив все кровью и усыпав кишками, – значит, перешел на следующий уровень и получил пистолет. Разнес башкуенному количеству – получил автомат. И так далее. Фантазия разработчиков игр не знает границ: наш компьютерщик

давит людей машинами, плющит гидравлическими устройствами, сжигает огнеметами, травит собаками... Всего не перечислишь.

За границей такие игры стараются запрещать, а у нас – отдал сто рублей за пиратский диск и развлекайся. Наверное, Макс чувствует себя таким крутым! Да ты убей хоть одного реально! Нет, у таких, как он, на это киш카 тонка!

Реально убить очень трудно. По крайней мере, в первый раз.

Нас было трое: Эдик, Славка и я. Школьные друзья из категории «не разлей вода». Мы происходили из очень даже благополучных семей – родители сплошь врачи и преподаватели вузов. А если и была рабоче-крестьянская примесь, то в весьма отдаленном поколении. Отличниками нас делали способности и желание, но уж никак не принуждение. В школах частенько издеваются над пай-мальчиками. Но нас задирать никто не рисковал. Во-первых, мы ходили всегда втроем. Во-вторых, я и друзья посещали секцию карате. Наверное, наше увлечение восточным единоборством все-таки надо было поставить на первую позицию. У моих родителей была отличная библиотека, и мы по очереди перечитали всего Булгакова, Достоевского... На дне рождения Эдуарда его мама (начальник учебного отдела консерватории) рассказывала нам о Скрябине и ставила виниловую пластинку: «Поэма экстаза». Черт побери, мы это воспринимали! На сверстников с их простыми (как нам казалось, примитивными) увлечениями мы посматривали снисходительно, и вокруг нас естественным образом образовался вакуум.

Не знаю, в какой именно момент ко мне пришло осознание избранности. Может быть, после прочтения Ницше. Логика была простой: если мы не такие, как все, а принципиально лучше, то, значит, нас можно отнести к сверхлюдям, а других – к человеческому отстою, «базарным мухам». Такая точка зрения немецкого философа мне стала близка и понятна. Он писал, что всем правит воля, и мы, воспринимая это буквально, истязали себя на тренировках до потери сознания. Мы учились терпеть боль и гордились этим. В один прекрасный момент меня стала терзать мысль о том, что нет четкой границы, отделяющей нас от этого несовершенного мира. Да, мы умные, да, мы физически и духовно развитые. Но нужно что-то еще, что нет в этих тупых людышках. Я понял – нужна способность УБИВАТЬ. Из прочитанного, увиденного на телезране можно было сделать вывод: жалкий слонятай не в состоянии сознательно лишить человека жизни. Это удел элиты, высшей касты. Это проявление ВОЛИ.

Товарищи поддержали меня. Вячеслав, белокурый, кудрявый мальчик, похожий на ангелочка, у которого только начал пробиваться юношеский пушок над верхней губой, предложил для начала убить кошку. Мы с Эдиком, не сговариваясь, посмотрели на него с нескрываемым осуждением, ведь это так мелко для сверхчеловека. Славка и сам понял свою ошибку и торопливо добавил, что кошку, понятное дело, любой дурак убить сможет.

Эдуард, степенный и рассудительный, как и его отец, подумал немного и сообщил, что когда недавно навещал вместе с родителями могилу бабушки с дедушкой на Старых кладбищах, то видел, как неподалеку, из склепа, выходили какие-то оборванцы. Возможно, они там и обитают. Искать их точно никто не будет. Я к месту процитировал своего любимого Ницше, который писал, что злится, когда подает нищим, злится, когда им не подает, и заключал, что нищих надо истребить. Встал вопрос, какой метод надо избрать для истребления. И тут, словно какое-то существо, поселившееся во мне, произнесло чужим, немного севшим голосом:

«Огонь... Очищающий огонь. Бог тоже жег ненужных людышек, если вы помните Библию». И душа моя воспарила, как мне казалось, в заоблачные высоты.

Оставалось технически воплотить нашу идею в жизнь. Вячеслав взял из отцовского гаража несколько литров бензина и разлил по пластиковым бутылкам. Я выразил опасение, что праведной казни могут помешать другие бродяги. Но Эдик заверил, что это не свалка, где существуют целые городки, склеп всего один, и вообще риск сведен к минимуму. Мы со Славкой стали настаивать на проведении разведки. Эдуард, выйдя из себя, что было ему несвойственно, стал упрекать нас чуть ли не в трусости и заявил, что глупо тратить ночь на подготов-

вительные действия, так как днем мы все равно никого не застанем. Пришли к компромиссу: пойдем посмотрим, но бензин возьмем с собой. Так, на всякий случай. И еще – ножи. Мало ли чего... Кладбище как-никак.

Дату я запомнил точно. Ночь с первого на второе декабря. Своим родителям, которые мне безоговорочно доверяли, я сказал, что допоздна буду сидеть за компьютером у Вячеслава. То же преподнесли своим предкам и мои друзья, с точностью до имен. Возражений не возникло, и вскоре мы стояли на автобусной остановке, тепло одетые, со спортивными сумками в руках, где мирно соседствовали термосы с горячим чаем и пластиковые бутылки с бензином.

Мои друзья, как и я, молчали, каждый думал о своем. Из оцепенения меня вывел голос водителя: «Следующая остановка конечная – «Кладбище». В другое время меня бы позабавило такое двусмысленное словосочетание, но сейчас улыбаться что-то не хотелось. Я встал, закинул сумку через плечо и пошел к выходу. Мои товарищи потянулись за мной. Мы рассчитали и попали на последний автобус, поэтому шофер не стал стоять на пустой остановке, развернулся и затарахтел прочь. В носу защипало от выхлопных газов, и я поймал себя на мысли, что завидую этому водителю, который едет в теплом автобусе без особых хлопот и торопится, наверное, домой, к своей семье. Перед глазами нарисовались бесхитростная квартирка с простенькой обстановкой, жена, ждущая мужа с работы в застиранном халате, ребенок, делающий уроки под светом настольной лампы. Это было настолько явственно, что был виден даже исчерканный шариковой ручкой погнувшийся абажур. Это было то, что соотносилось с категорией «людишки». И я им завидую??!

На кладбищенской калитке, где красивые чугунные завитушки mestами были отбиты, висел допотопный ржавый замок. Очевидно, местный сторож уже закрыл свое хозяйство, а может, и вовсе сегодня не появлялся. Высокий кирпичный забор прерывался на противоположной стороне кладбища, и через заросли старых кленов к могилкам можно было попасть по извилистой протоптанной дорожке. Мы про это знали, но обходить было лень. Я достал заранее припасенный тяжелый молоток, приваренный к не менее увесистой ручке, изготовленной из отрезка трубы, и одним ударом сбил замок с проушин. Заскрежетав, калитка пропустила нас на центральную аллею кладбища.

Уже спустились сумерки, и ветки деревьев еле виднелись на фоне сумрачного неба. Было морозно, но снег еще не выпал, и, хотя мы старались ступать по разбитому асфальту как можнотише, шаги все равно гулкими хлопками разносились ввязкой тишине. На развилке стоял одинокий столб с подвешенной большой газоразрядной лампой, словно сообщая, что здесь самый центр кладбища. Свет в лампе пульсировал и менялся от зеленого до матово-белого, выхватывая из темноты гранитные памятники. Я смотрел на лампочку и слышал, как сердце стучит в такт этому мерцанию все громче и громче. Внезапно что-то застремжало, зажужжало, и свет превратился в чуть различимую красную полоску.

Мы зажгли карманные фонарики, и ирреальность происходящего усилилась. Кресты, таблички, плиты, покосившиеся оградки – все сливалось в призрачный сон. Я и Славка протискивались сквозь этот нескончаемый лабиринт за Эдиком, который по каким-то ему одному известным ориентирам вел нас к склепу. Землисто-прянный запах тлена щедро разливался вокруг, щекоча ноздри и кружа голову. Внезапно какая-то большая птица с шумом взлетела прямо из-под наших ног, я вскрикнул и метнулся в сторону, больно ударившись о ствол дерева, упавшего на одну из могил. Эдуард обернулся и зашипел, прижав палец к губам. Метрах в десяти от нас смутным белесым пятном прорисовался склеп. Затаив дыхание и выключив фонарики, мы подобрались поближе. Покой погребенных охраняли мраморные ангелы: один без головы, другой без крыла. Ступени, ведущие к входу, превратились в каменное крошево, но можно было различить небольшую дверь. В щели между дверью и стеной был виден слабый свет. Эдик осторожно заглянул внутрь и знаками показал, что внутри кто-то есть, потом на

цыпочках подошел к нам, расстегнул мою сумку и выудил молоток. Потом достал бутылки с бензином, спички и вручил все это добро нам.

«Иди к двери и мяукаяй, как кошка», – просипел он Славке, а сам встал с другой стороны. «Мяу, мяу», – это было скорее похоже на плач ребенка. Из склепа выскользнула темная фигура. Мелькнул молоток, и я услышал звук удара. Крик жертвы слился с торжествующим воплем Эдуарда. Славка застыл как вкопанный, а я принялся поливать бензином дергающееся на земле тело, потом поджег и бросил целый коробок спичек. Живой факел осветил окрестности, потом принялся кататься, вскочил и бросился бежать. Вопль, наполненный нестерпимой мукой, перешел в жуткий хрип. Человек обхватил какой-то крест, словно он мог его спасти, потом сполз по нему, продолжая гореть. Другая тень появилась из-под земли, Эдик с силой махнул молотком, промахнулся, не удержался и упал на колени. Тут уже Вячеслав вышел из оцепенения, поджег бутылку и мгновенно швырнул ее в тень. Бензин взорвался, длинными огненными языками облизал силуэт со всех сторон. Я увидел, что это женщина. Ее длинные волосы горели, сворачиваясь клубками красной проволоки, кожа сморщивалась на глазах и лопалась пузырями. Как ни странно, она не кричала, а только громко стонала. Женщина упала, потом вскочила и побежала назад к склепу. Снова упала, выгнувшись дугой, потом поджала под себя обгоревшие ноги и затихла. Смрадный запах горелого мяса заполонил все вокруг. Эдуард, все еще с молотком в руках, спустился в склеп, мы со Славкой – за ним. Трепещущий свет огарка свечи, стоявшего в консервной банке, выхватил из полумрака подземелья кучу тряпья. В него был завернут ребенок. На его чумазом личике, как пуговки, блестели испуганные глаза. Эдик протянул Славке нож.

«Это тебе не кошка, Вячеслав. Это нужно сделать, чтобы он не мучился, – проговорил Эдуард, пристально глядя на нашего друга. – Все равно ведь умрет». Проверив пальцем остроту лезвия, Славка поднес нож к горлу младенца иолоснул по сонной артерии. Ребенок вскрикнул, забился в конвульсиях. Рана на тоненькой шее заплевалась струйкой крови, и глазапуговки остекленели. Дальше помню смутно. Деловитый Эдуард спрятал трупик младенца и нож в одну из провалившихся могил, закидав мусором. «Отребье общества, бродяг», – пояснил он нам, – никому не нужны». И оказался прав. Опасения, что будут кого-то искать, не подтвердились. Но с тех пор мы стали по разным причинам избегать друг друга.

Сначала умер Эдуард. Он просто ушиб ногу, и банальная шишка превратилась в раковую опухоль. Затем какие-то хулиганы в пьяной драке пырнули ножом Славку. Я это принял за проявление фатальности и стал ждать своей очереди. Но судьба меня щадила. Убийство семьи бомжей не превратило меня в бога, крах моей теории терзал душу и требовал новой идеологии. Жизнь потеряла всякий смысл. Однажды я стоял на кухне и просто глядел в окно с высоты седьмого этажа. Стоял безнадежно серый день. Под понурыми деревьями, как муравьи, сновали бесцветные маленькие человечки. Эта картина обыденности жизни пронзила меня, как ножом. Где в этом захолустном мире место Богу? Вывод напросился сам собой: чтобы стать Богом, надо уйти от этой мелкой ужасной суеты. Я включил диск с адажио Альбинони, взял старую отцовскую бритву, набрал в ванну горячей воды и наконец обрел душевную гармонию. Все испортила мать, которая вернулась домой с полпути на работу. Ей привиделось, что она забыла выключить утюг. Пребывающим в состоянии шока родителям я объяснил, что попытка суицида – результат несчастной любви. И они опять поверили.

Теперь из-за этих проклятых шрамов даже жарким летом приходится ходить в рубашках с длинными рукавами. Университет я бросил на последнем курсе. И вот сверхчеловек, с железной силой воли, работает простым менеджером у дебильного Виктора Боярикова, чья контора находится на плаву исключительно благодаря его отцу – крупному бизнесмену.

Прихожу в себя и вижу, что медленно бреду по улице в одной рубашке, притягивая любопытные взгляды обтекающих меня со всех сторон прохожих. В пальцах зажата дрогоревшая до фильтра сигарета. Разворачиваюсь и иду обратно, в офис.

Фирма «Информационный центр «Плюс»,

г. Воронеж,

25 декабря 2008 г.

– Вернулись наши пропавшие. Все, запираем дверь и никого не выпускаем! Курить – здесь! Справлять естественную нужду – тоже здесь! И все остальное… – Бояринов был уже без галстука, в ход уже вовсю шел коньяк.

Рыжеволосая Евгения потянулась к сидящему возле нее соседу и тихо сказала ему на ухо, ткнувшись носом в кудрявую шевелюру:

– Похоже, наш шеф настроен сегодня набраться. А ты, Саша, на что настроен?

– Начальник же приказал насчет остального, слышала? – Парень лишь слегка усмехнулся и пожал плечами.

Пока Максим с Сергеем находились на улице, их места за столом, находившиеся на противоположных концах, были заняты коллегами, и свободными оставались лишь два стула, стоявшие рядом. Фирсов плюхнулся на один из них и с вызовом посмотрел на Сергея. Тот стоял неподвижно, в позе известного памятника Чернышевскому, скрестив руки на груди.

– Бакунин, чего стесняешься, не присаживаешься? – голос директора уже немного заплетался. – Ты что, в одной рубашке прогуливался? Какой жаркий!

Подумав немного, Бояринов встал, покачиваясь, и торжественно объявил:

– Сергею – штрафную!

Он налил стакан коньяка и протянул через стол, пролив часть содержимого Ксении на колени. Та негодующе вскочила и принялась вытираять юбку салфеткой.

– Может, тебе лучше водочки? – Виктор широко улыбнулся, потом изобразил скорбь на лице и жалобно попросил:

– Ну, отведай из нашего кубка.

Сергей провел рукой по волосам, медленно завернул рукава модной рубашки, потом принял стакан из рук директора и одним махом отправил коньяк в горло.

Рука Марины, которая подкладывала закуску Баринову, застыла в воздухе. Секретарь круглыми глазами уставилась на белые рельефные шрамы, выставленные на всеобщее обозрение Бакуниным.

– В детстве на колючую проволоку напоролся, – спокойно сообщил Сергей и сел рядом с Максимом, ненароком опрокинув его бокал.

Наступила тягостная тишина.

– Мент родился, – прокомментировал директор, но это никого не рассмешило.

Чтобы разрядить обстановку, Женя громко объявила:

– Предлагаю попеть караоке!

– Правильно, правильно! Без песни праздник – это не праздник, а обычная пьянка. – Бояринов вылез из-за стола и махнул рукой кучерявому парню, похожему на Пушкина: – Саша, помоги!

Увлеченно беседующий с соседкой по столу Александр пропустил просьбу шефа мимо ушей, и тот добавил, повысив голос:

– Севастьянов, я к тебе обращаюсь!

Вскоре они принесли из кабинета директора большой жидкокристаллический телевизор и плеер с микрофоном. Возвращаясь на свое место, Виктор похлопал Фирсова по плечу:

– Макс, ты, как компьютерщик, должен это хозяйство настроить.

– «Призрачно все в этом мире бушующем...» – запел директор. Марина ему подпевала. Ксения пила в одиночку, но не пьянела. Максим с Сергеем мрачно курили. Александр пригласил Женю потанцевать, и они затоптались между компьютерных столов.

– Пойдем пройдемся, – Севастьянов дышал Евгении прямо в ухо, и ей стало щекотно.

– Тоже на улицу?

– Поближе. – И он увлек ее в маленькую комнатку, которая использовалась сотрудниками для чаепития.

Александр плотно прикрыл дверь, и неровный голос директора, скорее декларирующего, чем поющего, стал значительно тише.

Юноша запустил руку под кофточку Алексеевой, и освободил ее тугие груди от бюстгальтера. Она тяжело задышала, но не отстранилась:

– С ума сошел! Вдруг кто войдет??

– А тебя это не возбуждает? – Александр провел пальцами по твердеющим соскам и впился ей в губы долгим поцелуем.

– Подожди, дай я выйду на минутку в туалет, – девушка отстранилась, наспех привела себя в порядок, поцеловала его и вышла.

Когда она вернулась, Севастьянов молча развернул девушку к себе спиной и спустил с нее колготки, потом мягко подтолкнул к столу. Евгения приняла удобную позу, парень вошел в нее, при этом его руки, как у пианиста, порхали с бедер на грудь, нежно лаская поясницу. Женя протяжно застонала.

За стенкой зазвенела посуда, что-то уронили. Громко ругался директор, и возмущенно воскликнула Марина.

Комната встретила спонтанных любовников густым табачным дымом. На полу валялись разбитые фужеры, мандариновые дольки и еще какой-то мусор.

Практически не пивший Макс как-то странно поглядел на сладкую взлохмаченную парочку и прошептал себе под нос:

– Свиньи... Люди сидят за столом, а они...

Как ни странно, его шепот услышала Ксения и, вперив в Фирсова остекленевший взор, повторила по слогам:

– И-мен-но, свинь-и!

Раскрасневшаяся Марина уже кричала на директора:

– А я не позволю тебе в таком виде садиться за руль!

– А кто ты такая, чтобы здесь распоряжаться? – надменно поинтересовался Бояринов, напялив на себя красный колпак, несколько часов назад украшивший голову Бакунина, и разразился хохотом.

Культурная программа подходила к концу.

Александр Севастьянов,

Менеджер фирмы

«Информационный центр «Плюс»,

25 декабря 2008 г.

Ледяной ветер пронизывает насквозь. Женяка прижимается ко мне то с одной стороны, то с другой, прячась от обжигающих порывов, и мешает ловить такси. Одну машину из-за нее я уже упустил. Наконец автомобиль с желтыми шашечками подруливает к нам, и вот оно – желанное тепло. Говорю таксисту, куда ехать, и водитель резко рвет с места, как заправский уличный гонщик. Ему уже далеко за пятьдесят, у него аккуратно постриженная бородка, на лице – очки в желтой оправе. Не удивлюсь, если он имеет ученую степень кандидата или доктора. Кто только не таксует в наше время! Один раз меня вез лауреат Государственной премии.

По радио передают о наводнении в Америке, а цепкие глаза шофера наблюдают за нами в зеркало заднего вида. Все правильно! Умный водила всегда настороже. Сейчас мы целуемся и тискаемся, а потом вдруг ломик достанем! Засовываю руку между ног Евгении и наблюдаю за реакцией таксиста. Никакой реакции. Конечно, за смену ты и не такого насмотрелась. Раздумываю: может, трахнуть Женяку здесь, на заднем сиденье, для экзотики? Однако лень взяла верх. Да-а... Стареть начал ты, Сашенька, если экстрим уже не привлекает.

С определенного момента я стал относиться к сексу как к спорту. Даже вел дневник спортивных, то бишь сексуальных, достижений. Я имел женщин на снегу, на колесе обозрения в парке, во всех доступных транспортных средствах, в лифте, на дереве и много где еще... Эммануэль умерла бы от зависти!

Все началось после окончания пятого класса, во время летних каникул. Родители отправились лечить свои гастриты в Кисловодск, а за мной было поручено присматривать маминой подруге тете Тане. Мальчиком я рос домашним, с дворовыми мальчишками не знался, и мать с отцом уехали на юг с легким сердцем. Тетя Таня периодически забегала, заносила продукты, и мне даже не нужно было выходить на улицу. Я валялся на кровати, читал, смотрел телевизор. Короче, убивал время, как мог. В тот раз наша знакомая зашла ко мне после какой-то вечеринки. Она была одета в черную блузку с глубоким вырезом и достаточно короткую юбку. Если вам скажут, что одиннадцатилетних мальчиков не интересуют женщины, не верьте этому! У меня в укромном месте были спрятаны вырезанные из журналов картинки, марки, обертки от жвачек – разумеется, все это с различной обнаженкой, и я периодически тайком их рассматривал.

Мамина подруга села на стул, закинув ногу на ногу, и я не мог отвести глаз от ее полных ляжек. Она перехватила мой взгляд и усмехнулась:

– Ну что, не одичал тут, в заточении? Иди сюда, я тебе апельсинов принесла.

Поставив пакет с фруктами на пол, тетя Таня привлекла меня к себе. Я окунулся в густой аромат женских духов, пота, винного перегара и еще чего-то. Полные груди прижались ко мне, и по телу будто пробежал электрический разряд.

– Ну что дрожишь, глупенький? – Женщина провела ладонью по моим волосам и расстегнула пуговку на блузке, потом еще одну... В голубых глазах маминой подруги заплясали

чертенята, и она начала медленно освобождаться от одежды. Я и представить не мог, что женщины такие полные, когда разденутся. Тетя Таня увлекла меня на кровать и склонилась надо мной, стоя на четвереньках. Ее огромные груди распластались на мне и медленно поползли вниз. Вслед за ними скользили ее губы, и я утонул в море желания.

Мы не вылезали из кровати несколько дней. Моя учительница, дававшая уроки плотской любви, отрывалась от своих обязанностей лишь для того, чтобы сбегать в магазин. Открывая все тайны своего тела, тетя Таня убедительно просила ничего не рассказывать матери, иначе, говорила она, нас просто прибывают. Мне и самому это было понятно. Хотя теперь, с высоты прожитых лет, было ясно, что мамина подруга больше всего боялась попасть под статью за растление малолетних.

Родители ничего не заподозрили. Лишь мама заметила, что я сильно похудел за это время. Моя чувственность была преждевременно разбужена, и секс мне был уже просто необходим. В школе я имел половые контакты и со старшеклассницами, и с некоторыми преподавательницами. Александра Васильевна, тезка и классный руководитель, стала частенько оставлять меня на дополнительные занятия. Знали бы родители, чем мы занимались вместо русского языка и литературы!

Я уже учился в десятом классе. Ощущения притупились, захотелось чего-то нового. Мое внимание привлекла тихоня Наташа. С наиболее бойкими девчонками из нашего класса я уже переспал, и было просто интересно, как поведет себя серая мышка в нелепых очках. Родители у Наташи умерли, она жила с бабушкой. Как-то, предложив изумленной моим вниманием девочке проводить ее до дома, я очутился у нее в квартире. Обычная схема не сработала, и с первого раза ничего не получилось. И со второго, и с третьего... Во мне проснулся охотничий азарт. Только через месяц я лишил ее девственности и, естественно, потерял к ней всякий интерес. Но Наташа в меня влюбилась. Она не давала мне прохода и оказывала всяческие знаки внимания. Сначала это льстило моему самолюбию, потом стало раздражать. Через пару месяцев я не знал, куда мне спрятаться. Чуть позже бывшая тихоня сообщила мне о том, что беременна. Я понял, что влип по самые уши, представляя реакцию родителей, и голова шла кругом. Наташа стала заводить разговоры о том, что нас могут зарегистрировать в ЗАГСе в порядке исключения. Она строила планы на будущее, тесно прижавшись ко мне, как сейчас Женя, и я делал вид, что согласен. Мозг лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации, но ничего рационального предложить не мог. Наконец в моей голове созрел план.

В тот день я сказал родителям, что простудился и в школу не пойду. Они не возражали. Один школьный товарищ, проинструктированный мной, «по секрету» поделился с Наташей, что я чуть не умер, наглотавшись таблеток. Зареванная тихоня застала меня в постели. Меня бы приняли в ГИТИС вне конкурса, если бы приемная комиссия увидела сценку под названием «Умирающий». Еле слышным голосом, закатив глаза, я сообщил Наташе, что врачи нашли у меня неизлечимую болезнь, и лучше уйти из жизни безболезненно и сейчас, чем потом и в муках. Девушка рыдала, я, войдя в роль смертельно больного, тоже. Ненавязчиво с моей стороны прозвучало предложение уйти из жизни вместе. Как Ромео и Джульетта, Антоний и Клеопатра... Да мало ли примеров беззаветной и всепоглощающей любви! Честно говоря, я сомневался в эффективности этого замысла. К моему изумлению, Наташа согласилась!

И вот мы стоим на балконе ее квартиры, расположенной на восьмом этаже, забравшись для удобства на табуретки. Тихоня написала по моему совету предсмертную записку, где винила во всем несчастную любовь. Ей я сказал, что оставил родителям такое же послание. Солнце щедро разбрзгивало закатное золото, и на крыше соседнего дома ворковали голуби. Мы взялись с Наташей за руки, но свободной рукой я незаметно ухватился за бельевой шнур, чтобы не потерять равновесие. На счет «три» я сделал вид, что прыгаю, а сам незаметно подтолкнул девчонку. Впрочем, она и сама прыгнула. В воздухе тихоня перевернулась, и мне запомнились ее изумленные глаза. Я занес одну табуретку в комнату, захлопнул дверь. Все

обошлось. Никто не сомневался, что это самоубийство. Говорили, конечно, что косвенно виноват в этом я, но только косвенно. У нее не было отца, который смог бы заступиться за свою девочку, не было матери. Единственным родственником была бабушка, которая случившееся не пережила.

Теперь мне окончательно ясно, что я никогда не женюсь. Таксист что-то говорит, но я не сразу начинаю воспринимать смысл его слов. Ах да, брат, приехали, говоришь? Вот тебе пару сотен, и удача! Выбираемся с Женькой из машины и идем ко мне.

Виктор Бояринов, директор фирмы

«Информационный центр «Плюс»,

25 декабря – 26 декабря 2008 г.

Где же ты, моя родимая, спряталась? На стоянке полно машин, и все на вид одинаковые. Жму на брелочек сигнализации. Моргнуло, и слышится: «Ульк». Вот она, моя красавица, немножко инеем запорошена. Призрачно все... Чертова песня засела в голове. Забираюсь в «Тойоту» и завожу двигатель. Прохладно... Щелкаю клавишами обогрева. Вот черт! Бежит Марина, размахивая сумочкой. Не-е-т! Боярина голыми руками не возьмешь! Нажимаю на кнопочку, замки на дверях фиксируются. Мой любимый секретарь дергает за ручку дверцы, что-то кричит, нагнувшись к боковому стеклу, но мне ничего не слышно. Потихоньку выруливаем. Нет, Марина, ты не Терминатор, не догонишь! Все, поехали!

Окно быстро запотевает от выпитого. Могут, конечно, мастера машинного доения и тормознуть ненароком. Ничего страшного. Позвоню их главному. «Владимир Викторович, здравствуйте. Вас сын Степана Михайловича беспокоит. Да, да. Ничего страшного. Привет передам. Телефон передаю инспектору». Ничего не поделаешь. Сорвалась «Тойота» с регистрационным номером шестьсот шестьдесят шесть с крючком! Номер запоминающийся – число Зверя, то есть Сатаны. Когда машину регистрировал, в голову стукнуло: хочу такой номер – и все! Владимира Викторовича решил не напрягать, а поступил как все: заплатил двадцать тысяч, подождал. Пришлось, правда, ждать недельки две. Кто-то заказал заветные шестерки пораньше. Пользуется спросом число Зверя! Ничего, получил его с другой серией.

Надо скорость сбавить, чуть в грузовик не въехал. Вообще заметил за собой особенность: чем я пьянее, тем езжу аккуратнее. Меня как-то инспектор остановил. Я обычно в этих случаях из машины не выхожу. Стекло приоткрываю, документики протягиваю. Вопросы? Сейчас наберем телефон. А тут что-то на меня нашло, из машины вылез и чувствую: ведет меня куда-то в сторону. Он мне: «Как вы за руль сели, вы же идти не можете!» А я ему: «Потому и еду!» Сопроводил он меня тогда до дома, по просьбе Владимира Викторовича. Такая вот отеческая забота!

Кстати, по поводу трех шестерок. Когда получил номера, то решил, как положено, обмыть. Подвернулся знакомый бизнесмен Олег. То ли на самом деле очень набожный, то ли прикальвается. В церковь по воскресеньям ездит, посты соблюдает, а по жизни – акула капитализма! Выходим с ним как-то из ресторана, и вдруг – нищенка. Подайте, говорит, добрые люди. Я ей: «Что, на ресторан не хватает?» По всему видно, на бутылку собирается. А Олег кинул

монетку и заявляет мне: «Эту монетку кинут на весы на Божьем суде, и она все грехи мои перевесит!» Думаю: «А что перевесят те два ляма,¹ что ты у Федьки отжал, а его подставил?»

Так вот, увидел Олег номера и говорит: «По Библии три шестерки – число Антихриста. Мне вот батюшка машину святой водой окропил, а тебе с этими номерами сто пудов не будет!» Я ему говорю: «Заплачу – окропит!» А тот: «Спорим на литр коньяка, что не будет!»

Поспорили! А Олег с ехидцей, напоследок: «Смотри, Витька, не въехай куда-нибудь с этими шестерками».

И ведь накаркал, гад!

Обмыли мы номера, еду, как всегда, аккуратно. Скорость вроде не превышаю. На секундочку отвлекся, сигарету достать, и тут – ОНА. Удар, торможу. Вроде лобовое стекло не разбила, и то хорошо. Выхожу из машины. Все нормально, только капот чуть-чуть помят. Молодая девка валяется на дороге. Сама ведь под колеса залезла! Вроде живая, стонет. Одна нога как-то вывернута, осколок кости колготки прорвал и торчит. Открытый перелом. А на улице зима, как сейчас. Хорошо хоть два часа ночи, и на улице ни души. Думаю, если «Скорую» по сотовому вызвать, еще номер определят. Самому ее в больницу везти – тут Владимир Викторович уже может не отмазать. Ничего, в дубленке не замерзнет, кто-нибудь подберет. Потом уже в газете, в криминальных хрониках, читаю: «Была сбита… Водитель скрылся… Можно было бы спасти…» Морду бы Олегу набить за его пророчество!

Эх, ладно, что было, то прошло! А сейчас надо остановиться и купить пивка. Если пивом не «зашлифовать», остается какая-то недосказанность после пьянки. Финальный аккорд необходим!

Отхожу от ларька с тремя бутылками «Карлсберга» и наблюдаю картину: рядом с моей машиной резко тормозит такси, оттуда вылетает Марина и садится в «Тойоту» на место водителя. Следила, сучка! Теперь не отвяжется! Повезет домой, как школьника. Ругаться уже не хочется, спокойно сажусь рядом и открываю одну из бутылок. Пенистый напиток приятно ласкает горло. Меня терзают смутные сомнения, что секретарь опекает меня по прямому указанию отца. Когда папаша отпочковал от своей империи крохотную фирмочку, как игрушку для сына-несмышленыша, все новые сотрудники – менеджеры Сашка, Серега и Женька, бухгалтер Ксения, Макс (по прозвищу Кровавый) – пришли устраиваться по объявлению. Марину же прислал пахан. Как-то она забыла на столе свою мобилу. Смотрю и вижу: она и папочка периодически созваниваются. В общем, тайныйговор налицо. Отец воспитывал меня без матери. Вернее, не он, а разные нянечки. А теперь нанял мать Терезу, по имени Марина, которая и в коечку ляжет, и обедом накормит, и домой отвезет.

Подкатываем к подъезду, при этом Марина забирает у меня из рук последнюю бутылку и говорит: «Хватит на сегодня!»

Хватит так хватит. Под ручку, как примерные супруги, идем ко мне в квартиру.

Утро встречает головной болью и сухостью во рту. Марина подает мне стакан с каким-то снадобьем. Делаю вид, что пью, а когда моя опекунша идет на кухню, выплескиваю содержимое стакана в горшок с комнатным цветком. Затем преодолеваю расстояние от кровати до бара и припадаю к бутылке с виски. В желудке разливается приятная теплота, самочувствие улучшается с каждой минутой, и даже Марина уже не раздражает. Не зря говорят эскулапы, что подобное лечится подобным! Делаю еще несколько глотков, ставлю виски на место и прыгаю под одеяло. Заходит Марина, несет поднос с кофе. На ходу ее короткий халатик периодически распахивается до самого живота, и я увлекаю моего ангела-хранителя в постель. Хорошая штука – виски!

После такой зарядки моя голова окончательно проясняется, и я вспоминаю, что наша контора, по моей инициативе, должна выехать на загородный отдых.

¹ Миллиона (прим. автора)

Спустя час я полон энергии. Даю Марине несколько указаний: обзвонить всех и под страхом увольнения пригнать в офис, забрать из отцовского гаража микроавтобус, затариться продуктами и выпивкой. Потом, довольный жизнью и собой, бодрым шагом подхожу к бару.

Марина Захарова, секретарь фирмы

«Информационный центр «Плюс»,

26 декабря 2008 г.

Младший Бояринов раздражает меня все больше и больше. Никогда бы не стала терпеть причуды этого недоноска, если бы не была обязана многим Степану Михайловичу. К тому же он платит мне очень приличные деньги. Судьба свела нас еще давно, когда я только-только закончила школу.

Про мое детство лучше не вспоминать. Я была отказаным ребенком и прошла все стадии, сопутствующие моему статусу: дом ребенка, детский дом... В последнем учреждении приходилось не жить, а выживать. Воспитатели издевались над нами, мы издевались друг над другом. Вылить кому-нибудь на колени горячий суп или поджечь спичку, вставленную между пальцев ног, – все это считалось невинными шалостями. Девчонки в жестокости превосходили мальчишек и если дрались, то до последнего. Помню, как Таньку, чья кровать стояла рядом с моей, сбив на пол, принялись добивать ногами. Ей сломали четыре ребра, одно из которых проткнуло ей легкое. Ее никто не жалел, потому что она занималась крысятничеством. У кого-то из тумбочки пропала дешевенькая помада, у кого-то – зеркальце. Стали выслеживать, и Танька попалась. Обнаружился даже ее тайник, в углу, за отопительной батареей. Воровке еще повезло, что на шум зашел дежурный воспитатель. Иначе ее просто бы убили.

Мы бегали в мальчишеский корпус, они – к нам. Сексом занимались даже самые маленькие. Воспитатели нас лупили, но все было без толку. Да они и сами были не прочь с нами поразвлечься. Когда в интернат привозили новенькую, первым делом мы выясняли, девственница она или нет. Если да, то приглашали тайком мальчишек и поздно ночью устраивали торжественный ритуал прощания с девичьей честью. Если девчонка упиралась, ее жестоко избивали.

Бывали дни, когда приезжали взрослые и выбирали ребенка для усыновления или удочерения. Нам сообщалось об этом заранее, мы наряжались, красились и старались понравиться. Не последнюю роль играла, конечно, и личная карточка. Один ангелочек так всем нравилсяся, а в карточке – черным по белому: два убийства. Причем в таком возрасте, когда даже в спецучреждение нельзя направить. Если все срасталось и везунья отправлялась в новую семью, то свои нехитрые пожитки она оставляла нам. Считалось, если что-то взять с собой, то эта вещь может привести потом обратно, в этот ад. В такие минуты мы завидовали избранницам до слез и раскидывали карты: кому повезет в следующий раз.

Однажды к нам приехала довольно пожилая пара. Посмотрели документы, медицинские карточки, походили немного и выбрали меня. И муж, и жена – оба пенсионеры. Зачем им в таком возрасте понадобился ребенок? Позже я узнала, что у них в автокатастрофе погибли дочь с мужем и внучка.

Сначала мне казалось, что я попала в рай. У меня была ОТДЕЛЬНАЯ КОМНАТА, меня кормили домашней вкусной едой. Находившиеся под бременем горя пенсионеры всю свою нерастраченную любовь и привязанность обрушили на меня. Но постепенно кое-что и взамен стали требовать. Например, хотели, чтобы я была пай-девочкой. Я собиралась на улицу, а они

спрашивали: «Куда?» Мне звонили по телефону, а приемные родители интересовались: «Кто?» Меня это бесило, и я с трудом сдерживалась, чтобы не ответить грубо.

Старики не понимали, что человека невозможно переделать. Дикий тростниковый кот никогда не станет домашним Мурзиком. И мы никак не могли приспособиться друг к другу. Я привыкла к вольной жизни и болезненно переносила опеку приемных родителей. Их шокировало мое курение, лексикон, полуночные прогулки. Тем не менее пенсионеры меня удочерили. Как-то раз я встретила своих бывших подруг по детдому. Мы зашли в кафе, выпили вина, вспомнили кое-что из прежней жизни. Потом постояли на улице. Подкатила иномарка, и одна из девчонок уехала. Выяснилось, что подруги трудятся в качестве жриц любви. В этот же вечер мне «подвинтили» клиента, и пошло-поехало...

Мои пенсионеры, догадавшись, чем я занимаюсь на досуге, устраивали мне постоянные скандалы. У меня появились свободные деньги, и уже нашлась съемная квартира. В тот вечер тетя Зина, как я называла приемную мать, устроила очередную истерику и ударила меня по щеке. В голове тут же начал тлеть огонек, который разгорался все ярче и ярче. Уходя на свой ночной промысел, я незаметно зашла на кухню и приоткрыла газовый кран на плите.

Под утро возле нашего подъезда толпились люди, стояли машины разных оперативных служб. В стене дома зиял огромный пролом. Кроме приемных родителей, на воздух взлетели еще три семьи. Взрыв был такой силы, что в соседнем доме повылетали стекла. Официальная версия была обычной: взрыв бытового газа. Телевизионщики, как охотничьи собаки, отслеживают подобные случаи, чтобы лишний раз показать крупным планом чью-нибудь оторванную руку или детскую куклу на руинах. Так было и в этот раз: история со взрывом обежала все телеканалы и вызвала, как говорится, широкий общественный резонанс. Вышло так, что из тех, кто проживал в разрушенных квартирах, в живых осталась я одна, удочеренная сирота. Правда, был еще какой-то мужик, плитой у него задавило жену и детей. Но он вроде бы попал в психушку, и внимание журналистов было обращено всецело на меня. Тогдашний мэр города (а им был Степан Михайлович Бояринов) лично, под прицелом телекамер, вручил мне ключи от квартиры в новом доме, предложив обращаться к нему за помощью, «если что».

Девушкой я была видной. Мне бы по подиуму ходить, а не на улице стоять. Но судьба распорядилась иначе.

Однажды, в темный дождливый осенний вечер, когда я с подружками стояла на нашем обычном месте, к нам подрулил джип. Из него вышел высокий человек в кожаной куртке и темных очках, бросил на нашу стайку оценивающий взгляд и, поманив меня пальцем, призывающе распахнул дверцу. Усевшись, я по привычке задрала и без того короткую юбку и закурила. Водитель молча тронулся с места, потом вынул у меня изо рта сигарету и выкинул в окно. Говорю: «Один час – пятьдесят баксов». Он молчит и скорость прибавляет. Хрипло выдавливаю из себя: «Ваш номер срисовали». Опять тишина! И кнопочки на дверях вдавились! «Все, – думаю, – приехали! Маньяк попался!» И тут человек в очках, словно прочитав мои мысли, говорит: «Не дергайся! Заниматься будешь спецобслуживанием». И улыбнулся змеиной улыбкой: «Это, можно сказать, шаг вперед в твоей карьере. А твои сутенеры… Эта шушера даже не шестерки, а так, пыль на столе».

Оказалось, на тихой боковой уличке, в центре города, существует ресторан с комнатами отдыха, сауной и бассейном. Для обычных людей вход сюда всегда закрыт. Это заведение входит в номенклатурный список мест отдыха городской элиты.

Меня осмотрели врачи и выдали медицинскую книжку. Тот самый человек взял подпись о неразглашении всего того, что я здесь увижу и услышу. И невзначай обронил, что с болтунами происходят несчастные случаи. Я получила трудовую книжку с отметкой: «Городская администрация. Уборщица». Зарплату стала получать достойную, с гибкой системой премиальных. По крайней мере, по сравнению с прежней работой в деньгах не потеряла. Только не болталась на улице и не рисковала, как раньше. В штате вместе со мной трудились не только девушки, но

и юноши. Для начальствующих лиц, так сказать, с нетрадиционной ориентацией. Кого я только здесь не увидела! Известные политики из разных партий, начальники всевозможных ведомств и управлений, крупные банкиры... Приезжала элита на неприметных машинах, оставив свои «Мерседесы» с блестящими номерами для официальных поездок.

Заглянул как-то раз и Степан Михайлович Бояринов. Помня про подаренную квартиру, обслужила я его по высшему разряду. На прощание он усмехнулся и сказал:

– Когда я тебе ключи дарил, мне служба безопасности уже доложила, чем ты занимаешься. Но мне тогда переизбираться надо было. А тут возможность появилась на глазах у всех сироте помочь. И с улицы тебя я убрал, чтобы какой-нибудь скандальный журналистишка не тиснул статейку под заголовком: «Мэр облагодетельствовал уличную проститутку». А ты моло-дец! Здешнее руководство довольно: исполнительная, расторопная и не болтунья!

Шло время. Следующей ступенькой служебного роста стала работа горничной в загородном доме Степана Михайловича. Он ушел из администрации и занялся бизнесом.

Приватизированные и оформленные на подставных лиц участки в центре города, долгосрочная аренда различных зданий и помещений с правом выкупа, полезные и нужные связи в различных сферах, цепкий ум и волчья хватка, наконец, – все это способствовало процветанию империи бывшего градоначальника. «Главное, вовремя уйти, – говорил Бояринов. – Если мэра смещают, его, как правило, сажают».

Ходили слухи, что жена Степана Михайловича умерла от какой-то хронической болезни. Сын Виктор, любитель выпивки и карточной игры, постоянно попадал в неприятные истории. Экс-мэр, все еще надеясь увидеть в непутевом отпрыске своего преемника, поставил его руководить небольшой фирмой. Мне к этому времени Бояринов-старший стал доверять все больше и больше. Однажды он вызвал меня в свой кабинет и сказал:

– Марина! Мы знаем друг друга достаточно, и ты обязана мне многим. Я тебя никогда ни о чем не просил. Меня очень беспокоит Виктор, и это отвлекает меня от дел. Ты должна стать его тенью, ангелом-хранителем... Кем угодно, лишь бы он не вляпался в дерьмо! Деньги будешь получать от меня лично. Если что – немедленно звони. И упаси тебя бог вести двойную игру!

Теперь приходится играть роль секретаря в фирме «Информационный центр «Плюс». С тюфяком Виктором особых проблем нет. С трудом сдерживаюсь, когда общаюсь со стервой Ксенией, полуబезумным Сергеем или странноватым Максом. Как будто кто специально набирал к нам умственно больных сотрудников. А ведь все пришли по объявлению!

Евгения Алексеева, менеджер фирмы

«Информационный центр «Плюс»,

26 декабря 2008 г.

Не зря наш шеф родился в год Быка. Упрямый, как это создание. Интересно, может, все-таки есть год Осла? Я подумала, что насчет загородного дома он пошутил. А сегодня ни свет ни заря Марионочка уже всех обзванивает. Бояринов приказывает всем ехать куда-то в тьму тарakanью. Если, говорит, не поедут, объявляю все дни рабочими. И пусть попробуют, в случае чего, не выйти на работу. По статье уволю. И уволит! Ему эта фирма – так, забава! С таким папочкой можно и в игрушки поиграть. А я настроилась эти дни с Сашкой провести. Конечно, он и там никуда не денется. Хотя, надо признать, Севастьянов непредсказуем. Может

на любой юбке повиснуть, хоть на стервозной Ксении. И конкурентов у него в этой деревеньке будет не так много. Виктор запросто может в запой уйти. Марина заскучет, а время надо будет чем-то убить. Кровавый Макс ноутбук возьмет с «ужастиками», ему и не надо ничего больше. Остается Сергей – человек настроения. Может приласкать, а может и в бешенство неожиданно прийти. Хороший отдых предстоит! Но уехать надо обязательно. В годовщину смерти тетки дома лучше не находиться.

Вам приходилось когда-нибудь ухаживать за стариками? Больными, беспомощными, но вместе с тем вредными, вспыльчивыми, дурно пахнущими? Нет? Значит, вам повезло! Меня же эта участь постигла с восьмого класса. Люди ухаживают за бабушками, дедушками, родителями, наконец. Мне довелось ухаживать за тетей – маминой старшей сестрой. Она никогда не была замужем, и сколько я себя помню, всегда болела. Отец – тихий интеллигент, не смеявший ни в чем перечить супруге, мать – властная женщина, полная противоположность отцу, и я жили в четырехкомнатной квартире, принадлежавшей маминым родителям. Дед, по линии матери – профессор и доктор каких-то наук, – жил по заграницам и квартирам многочисленных знакомых женщин. Бабушка умерла. Родители отца жили на Украине. Тетке, которую я всегда звала только по имени-отчеству – Анастасия Георгиевна, в принципе было где жить, дед и ей припас квартиру. Поначалу она там и жила, вернее, болела. Мы ее навещали, покупали продукты, и в конце концов мама для удобства забрала ее к нам. Тетка не утруждала себя домашними делами, зато была помешана на собственном здоровье. Я даже сейчас считаю, что многие свои болезни она попросту выдумала.

Сначала Анастасия Георгиевна ходила по больницам и поликлиникам, потом стала вызывать врачей на дом и постепенно превратилась в лежачую больную. Мне вменили в обязанность кормить тетку обедом. Мои сверстницы после уроков гуляли, а я неслась домой, как скаковая лошадь, чтобы приготовить обед Анастасии Георгиевне. Тетка читала различные газеты и журналы об оздоровлении организма, слушала радио и смотрела телевизионные программы на эту же тему. Поэтому к еде она относилась очень привередливо. Если картошка была жареная, а не тушеная, значит, это вредно для печени. Замороженные полуфабрикаты – вредно! Колбаса, майонез – вредно! Хлеб – только бездрожжевой. Я тихо сходила с ума, а мать мне говорила вечерами: «У нее же никого нет! Потерпи, больные – все капризные».

Постепенно, то ли от самовнушения, то ли от постоянного лежания, самочувствие Анастасии Георгиевны начало ухудшаться. Врачи выписали ей кучу таблеток, которые надо было принимать по часам. И тут тетка, как мне кажется, просто начала хулиганить. Она стала жаловаться матери на память и сетовать на то, что не способна самостоятельно пить свои пилюли. Так я превратилась в штатную сиделку. Утром, в обед и вечером теперь надо было проводить, как принято говорить у врачей, поддерживающую терапию в комплексе с мониторингом артериального давления. Прибавьте сюда горшки, которые также надо было регулярно выносить. Я училась уже на первом курсе института. Молодежные вечеринки и дискотеки мне замещала больная приурковатая тетушка. Я предлагала родителям нанять сиделку, но мать кивала на запуганного отца и говорила со злостью, что он на семью не может заработать денег, не то что на сиделку. И на этом все заканчивалось.

В какой-то передаче показывали, что гитлеровцы перед входом в один из концлагерей сделали надпись со словами из Библии – «Каждому – свое». И на протяжении многих дней я думала, кощунственно сравнивая себя с заключенной: «Неужели это – мое?!»

Однажды я пригласила к себе домой молодого человека. Лучше бы я этого не делала! Первый вопрос, который он задал, переступив порог нашей квартиры, был: «А чем это у вас здесь воняет?» Больше он ко мне не приходил, а я стала объектом насмешек со стороны благополучных однокурсниц. Сострадание ведь у нас не в моде.

Бесконечные «Скорые», кардиограммы, запах лекарств и мочи, скандалы дома – все смеялось в какую-то кошмарную кучу. И я стала подумывать, как все это прекратить. Пона-

слышке я знала, что лежачие больные могут жить, а вернее сказать, существовать годами. Но это «существование» мне не просто надоело, а СМЕРТЕЛЬНО НАДОЕЛО! Для профилактики приступов стенокардии я давала Анастасии Георгиевне одно лекарство, а для купирования приступов – другое. Мне пришло в голову, что нужно экспериментировать. Для начала я исключила из ежедневного «рациона» первый препарат. Таблетки выкидывала, а в тетрадочку дбросовестно записывала, что прием осуществлен.

Учебу пришлось на время забросить. Я боялась, что наступит приступ и тетя может запросто проглотить нужные пилюли, лежащие перед ней на столике. Родителям свой приступ активности я объяснила своей тревогой о здоровье тети, которая стала в последнее время часто жаловаться на боль в груди. Я давно стала главным лекарем в семье, и мать, похвалив меня за усердие, даже похвасталась моим милосердием перед соседями и знакомыми.

Наступил день, когда Анастасия Георгиевна схватилась за грудь и позвала меня, сидящую рядом с книгой в руках. Я немедленно убрала все таблетки и стала ждать. Тетка умоляла вызвать «Скорую», дать ей таблетки, но я была неумолима, как сама Смерть. Наступил час расплаты. На случай, если Анастасия Георгиевна выкарабкается, у меня была припасена байка, что ей все давалось вовремя, о чем была уже сделана соответствующая пометочка в блокнотике. Про мой отказ вызывать врачей и говорить было смешно: все знали, что у тети проблемы с головой.

И тут меня понесло: я стала высказывать задыхающейся тетке все то, что у меня наболело на душе. Столько гадости я никому в своей жизни не говорила и, наверное, уже никогда не скажу.

Врачей я вызвала только тогда, когда ниточка пульса окончательно исчезла и поднесенное для контрольной проверки к тетиному рту зеркальце осталось незамутненным.

«Скорая» констатировала смерть от сердечного приступа. После похорон на душе стало как-то тяжело. Я была свободна, как весенний ветерок, но почему-то идти никуда не хотелось. Моя прежняя жизнь была подчинена строгому распорядку, и, как выяснилось, я была кому-то нужной. Теперь не надо было готовить обеды, давать пилюли, но легче не стало. В опустевшую комнату тетки я старалась не заходить.

Поразило другое. Как выяснилось, тетка завещала мне свою квартиру и денежные вклады. Со слов матери, вызывавшей нотариуса на дом, когда я была в институте, Анастасия Георгиевна, подписав бумаги, добавила тихо: «Моей сиделочке...»

Максим Фирсов, менеджер фирмы

«Информационный центр «Плюс»,

25 декабря 2008 г.

Смотрю, наш Сереженька Бакунин куда-то пошел, как лунатик. Частенько у него крыша едет. То паясничает, всех достает, а иногда уставится куда-то невидящим взглядом и молчит. Я знаю, что меня он ненавидит, поэтому и вышел его позлить. Мне даже кажется, что Бакунин всех не выносит. В этом они с Ксенией – родственные души. Марина, наш секретарь, ненавидит через одного. Ха, а Евгения, наоборот, любит всех!

(А кого любишь ты, Макс? – прошипел внутренний голос. – Или чего? Виртуальную действительность с потоками крови? Ответь, Макс!)

– Отвечаю: пусть лучшие я убью на экране, чем на самом деле.

(Но тебе ведь хочется убить по-настоящему, правда?)

– Нет, несколько.

(Это вранье. Посмотри вот на эту девушки. Она идет и беззаботно улыбается. Как приятно было бы сдавить эту нежную шею и посмотреть, что будет потом. Как ТУ ДЕВОЧКУ. ТЫ ПОМНИШЬ?

– Пошел ты... Это был не я. И вообще, заткнись!

Внутренний голос послушно замолкает.

Мы поехали отмечать встречу того Нового года большой компанией в какую-то деревню, далеко за город. У родителей моего друга Лешки там была полуразвалившаяся хибара, перешедшая к ним по наследству. Нам захотелось экзотики, полудикой природы. Городские дискотеки уже приелись, а спровоцировать праздник у кого-нибудь на квартире было уже черезчур банально. Деревня, и только она! Представлялись весело потрескивающий огонь в настоящей печке и сизый дымок, поднимающийся в безбрежное небо, украшенное малиновым морозным закатом. В действительности все оказалось даже лучше, чем мы представляли.

Портативный приемник пробил кремлевскими курантами, и веселье было в самом разгаре. Лешка и я вышли на улицу покурить. Многие дома в деревне оказались брошенными, но кое-где, как нам показалось, мерцал свет. Настроение было прекрасным, близость природы пьянила больше, чем вино. Друг предложил взять бутылку и пойти поздравить кого-нибудь. Мы так часто раныши в городе и делали: ходили по квартирам, обнимались и пили с совершенно незнакомыми людьми. Лешка надел для хохмы красную шапку и прицепил бороду. Ну, вылитый Дед Мороз!

Пройдя мимо какой-то сгоревшей избы, мы оказались возле большого двухэтажного дома, смотревшегося дворцом среди деревенских построек. Наверное, тут жили фермеры или что-то в этом роде. Калитка была открыта, окна призывающе светились. Мы осторожно зашли во двор: никого и ничего. Дверь в дом тоже была не заперта. Коридор вел в большую комнату, где мигала разноцветными огоньками пушистая елка. Пусто! Мы уже хотели уходить, но наверху послышались какие-то звуки. Скрипучая лестница привела нас на второй этаж.

Лучше бы я туда не поднимался, поверьте. Там в одной из комнат на кровати лежала девочка, эдакое небесное создание лет восьми–девяти от роду. Она лежала неподвижно, и я думал, что она спит, хотя меня смущило, что цвет лица у нее какой-то неестественный.

– Пошли отсюда, Макс, – нервно проговорил Лешка, но я сделал еще один шаг вперед. Из-под одеяла свесилась тоненькая ручка, одетая в красную перчатку. Я не мог оторвать глаз от этой детской ручонки и, едва осознавая, что делаю, ринулся вперед и сдернул с ребенка одеяло. Крик застрял где-то посередине, между легкими и глоткой. Несчастная малышка была вся в крови, и никакой перчатки на ее ручке не было. Бедняжку словно распотрошили. Лешка стоял за спиной и тихо поскучивал, в любой миг готовый дать стрекача.

Я осторожно коснулся руки девочки. Холодная. Даже холоднее льда, как мне показалось. Лешка что-то испуганно забормотал и тронул меня за локоть.

На первом этаже раздались чьи-то голоса. Алексей, вскрикнув, кинулся вниз, там что-то зазвенело, упало... На лестнице послышались шаги, и я, с трудом соображая, что делаю, спрятался в шкафу, прильнув к замочной скважине. В комнату вихрем ворвалась незнакомая мне женщина, и ее крик разорвал все вокруг. Мне чудилось, что ее надрывный вопль проникает мне прямо в мозг, как сверло.

Как потом выяснилось, ее муж убил Лешку, думая, что это он убил его дочь, а потом этого мужика вроде бы признали невменяемым. Приехавшая из райцентра милиция опросила мать девочки, бегло осмотрела комнаты и увезла отца покойной с собой. В шкаф они не заглянули. На другой машине увезли в морг два тела: девочки и Лешки. Женщина неподвижно сидела перед кроватью и никуда не выходила.

Прошли сутки, пошли вторые. Шкаф стал моим домом, и время спрессовалось в вечность ада. Мне было видно только спинку стула и склонившуюся голову, тронутую ранней сединой. Слезы бессилия капали на мои затекшие ноги. Я задыхался от зловония собственных экскрементов. Я неистово жаждал, чтобы меня обнаружили, даже кашлял и ворочался, но выходить не осмеливался. Зловещий сгорбленный силуэт, застывший над детской кроваткой, ворызся в мою память на всю жизнь.

На исходе третьих суток человек, ужে отдаленно напоминавший Макса Фирсова, плача и ломая ногти, сумел выдернуть из вешалки стальной крюк и решил на убийство. Но ему не суждено было произойти по одной простой причине: мать девочки давно была мертва. Наверное, от пережитого у нее остановилось сердце.

Умирая от голода и жажды, я стал искать избу, где мы начали отмечать праздник. Кругом было тихо. Я обходил все дома, пока не нашел нужный. Снег рядом с дверью был красного цвета с желтоватым оттенком.

МОИ ТОВАРИЩИ ПРОПАЛИ. Вся комната была залита кровью. На столе рядом с бутылкой шампанского валялись отрезанные пальцы. Потом меня допрашивал какой-то седой участковый, другие милиционеры. Я был основным и единственным подозреваемым, кроме сумасшедшего, убившего Лешку. Трупы так и не нашли, доказать мою причастность к массовому убийству не смогли. Я просидел какое-то время в следственном изоляторе, и на этом все закончилось. Судимости у меня не было, и в фирме даже не знают, что я находился под следствием. Для меня осталось полной загадкой, что же произошло в тот роковой Новый год на самом деле.

События тех лет не пробили мою душу навылет, а застяли в ней навсегда навязчивой идеей. Не считите меня сумасшедшим, но... у меня появилось желание убивать. Понимаете? И чтобы окончательно не сойти с ума, я стал это делать на экране компьютера. Это, конечно, суррогат, скажете вы. Резиновая женщина вместо страстной и горячей, трепещущей плоти. Но тем не менее хоть как-то успокаивает. Хоть на время.

Деревня Чертовка, Воронежская область,

**материалы, собранные участковым инспектором
милиции майором Аникеевым Андреем Андреевичем,**

Борис, весна 2000 г.

Участковый уехал, но спать не хотелось. Я подошел к окну и стал вглядываться в непроглядную ночь. Какое величественное спокойствие! Темнота и тишина. Только здесь, в глухии, можно ощутить единение человека с природой. Город с его бесконечной мелкой суетой, назойливым шумом не дает возможности человеку сосредоточиться. Не зря основная масса творческих натур предпочитала создавать свои шедевры среди естественной земной красоты, которая не отвлекает, а, наоборот, помогает постичь глубину мироздания. Стارаясь как можно тише скрипеть старой лестницей, я поднялся на второй этаж и приоткрыл дверь в комнату, где спали жена и дочка. Девочка, естественно, побоялась в первую ночь спать одна на новом месте. Я спустился на цыпочках вниз и решил посмотреть, что же за материалы принес мне в огромной папке участковый. Чего там только не было! Вырезки из газет и журналов, копии протоколов допросов, отчеты и справки, фотографии... Причем встреча-

лись бумаги столетней давности, за которые какой-нибудь коллекционер-краевед заплатил бы приличные деньги.

Внезапно я услышал странный шорох, идущий откуда-то снизу. Я прислушался: звук напоминал нечто среднее между стрекотанием сверчка и грызущей что-то мыши. У нас в коммунальной квартире водились и те, и другие, и я мог с уверенностью идентифицировать подобные звуки. В конце концов, мало ли какая живность могла водиться в старом деревенском доме? Шорох то усиливался, то затихал, и мне стало немного не по себе. Проверить или нет, что там?

После недолгой внутренней борьбы с самим собой я решил отказаться от этой затеи и погрузился в изучение архива участкового.

«Дул промозглый ветер, срывая остатки одежды с полуголых берез, росших неподалеку. На востоке небо брезжило свинцовым рассветом. Около круглого столика, на котором мерцала свеча, сидел закутанный в серый плащ молодой человек. Вдалеке защокали копыта, он поднялся и, прежде чем выйти из дома, пристально посмотрелся в зеркало с резной позолоченной рамой. Оттуда на него смотрело печальное бледное лицо, обрамленное завитками черных кудрей. Молодой человек развернулся и стремительно вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Он открыл черную, слегка поцарапанную дверку кареты и прыгнул внутрь. Там уже находился мужчина в темной накидке и цилиндре. Мужчина наклонил голову в знак приветствия, хлопнул рукой, затянутой в перчатку, по стенке, и карета рванулась вперед».

Так мне представилась картина, когда молодой гвардейский офицер, потомственный дворянин Борис Сергеевич Чертов, ранним ноябрьским утром ехал на дуэль. Я подошел к стене и снова посмотрел на старую фотографию, потом заглянул в зеркало. Удивительное сходство еще более поразило меня. Единственное отличие заключалось в том, что я стригся очень коротко и не носил модные в те времена бакенбарды. Лица были очень похожи, да и имена мы носили одинаковые. Из статьи в «Губернских новостях» нельзя было понять, почему Чертов только лишился офицерства и дворянства, а не отправился на каторгу. Его лишь сослали из Петербурга в глухомань, маленькое имение, доставшееся ему по наследству от сумасшедшего отца. Можно предположить, что у августейшей особы в день судебного разбирательства были имении.

Я бережно держал пожелтевший ветхий листок, боясь, что он рассыплется от неосторожного прикосновения. В статье, называвшейся «Таинственные события в деревне Чертовка» была дана краткая предыстория появления здесь местного барина.

Дальше начиналось самое интересное. Со слов знакомого краеведа я полагал, что местные крестьяне бунтовали, а они, оказывается, отправили тайком ходока к самому генерал-губернатору с просьбой защитить их от барина.

Когда приехал урядник с солдатами, то все крестьянские избы были пустыми, кроме одной, где жила какая-то безумная старуха. На улице стоял декабрь, и в холодных домах в люльках лежали заинdevевшие от мороза трупики детей. Самого барина нигде не нашли. Зато в доме находились уже окоченевшие трупы его жены и дочери. Далее между солдатами случился какой-то конфликт, и они друг друга перебили. Дело закончилось тем, что местные власти дом опечатали, и он долгое время стоял пустым.

Вот еще интересная статейка. Называется «Игра в преферанс с дьяволом». Передо мной вырванная страница из журнала «Нива». Всматриваюсь в год, пропечатанный мелким шрифтом внизу листка. Судя по всему, то, что здесь излагается, произошло уже лет через тридцать после Чертова. Интересно, откуда у Аникеева такие материалы? Он что, по библиотекам рыскал и тайком страницы вырывал? Ладно, читаю…

«…Мы ехали на перекладных и остановились на станции Горино, чтобы сменить лошадей, отдохнуть и поужинать. В казенной избе, кроме нас с товарищем, людей молодых, остановились и два господина преклонного возраста. Одному из них, отставному майору и известному в своих кругах преферансисту, накануне удалось сорвать большой куш. Он послал человека в местный магазинчик, и шампанское полилось рекой. Как само собой разумеющееся, прозвучало предложение сыграть в преферанс. Мы расписали пульку до десяти, по копеечке за вист, и, играя, вспоминали разные истории. Майору опять везло, и он, будучи изрядно подшофе, рассказал, что неподалеку, верстах в десяти отсюда, есть деревенька со странным названием Чертовка, принадлежавшая когда-то его другу, дуэлянту и гуляк. Там приключилась какая-то таинственная история, и об этом месте ходили престранные слухи.

— Господа, — сказал бывший военный, — а не навестить ли нам деревеньку? Ночь-с, чертова разная, как у Гоголя. Распишем там партию, и будет что вспомнить. Кутить так кутиться, ямщику плачу я.

Шампанское стучало в висках, барышень здесь не было, а нам хотелось каких-нибудь приключений. Кроме того, никто не захотел выказать себя трусом.

Из пяти ямщиков, бывших на станции, согласился поехать самый молодой, и то за огромные деньги — рубль серебром.

Стояла зима, дорогу занесло, и лошадь медленно шла по глубокому снегу. Ямщик стал опасаться, что кобыла сломает себе ногу, и хотел повернуть обратно, но разгулявшийся майор накинул ему еще двугривенный. Темная, пустая деревня и манила, и пугала. Шампанское стало выветриваться, и я, постепенно трезвея, уже начинал упрекать себя в легкомыслии.

Еще издалека мы увидели, что в барской усадьбе мерцает какой-то огонек.

— Странно, — сказал майор, зябко поднимая воротник длинной медвежьей шубы. — Доподлинно известно, что здесь никто не живет.

Ямщик размашисто перекрестился, потом вынул из-за пазухи крестик и поцеловал. Лошадь начала взбрыкивать и ржать, мотая мордой и кося испуганными глазами.

Высокие деревянные ворота открылись при нашем приближении сами собой. Никто не захотел идти первым. Майор огляделся, тоже осенил себя крестным знамением и пошел к крыльцу.

Дверь в дом была не заперта. В гостиной с шипением горели свечи в канделябрах, крышка пианино была открыта, как будто кто-то недавно музицировал. На столе, покрытом зеленым сукном, лежали карты, листок бумаги с расчерченной пулькой. В бокалах искарилось и пузырилось шампанское.

— Здравствуйте, господа! — прозвучало сзади.

Оглянувшись, мы увидели странного человека с седыми волосами в инвалидной коляске. У него было худое лицо в крупных оспинах, кисти рук покрывали разлохмаченные обрывки бинтов. Он улыбался одним только ртом с тонкими, как ниточки, губами. В глазах же был лед. Он указал на стоящую в углу вешалку, верх которой был сделан из лосиных рогов:

— Извините, я не имею возможности содержать слуг, и за вами некому поухаживать. Раздевайтесь, и милости прошу за стол. Вы же мечтали сыграть партию в Чертовке?

Мы заняли места за столом. Туда же подъехал и странный инвалид. Несмотря на забинтованные руки, он с невероятной быстротой перетасовал колоду и предложил снять карты моему товарищу, что тот и сделал.

— Господа! Предлагаю для начала сыграть распасы. Кто набирает больше всех штрафных очков, тот посидит в моем подвале... — хозяин дома задумался, — столько минут, сколько возвьмет взяток.

Он разразился неприятным смехом. Мы переглянулись. Всем стало ясно, что мы попали в дом к сумасшедшему. Что нам оставалось делать: повернуться и уйти или развлекать ненормального инвалида?

— Э-э... — протянул майор, — мы уважаем ваше гостеприимство и сами не прочь иногда пошутить. Но нельзя ли без этих экстравагантностей?

— К сожалению, нельзя, — холодно ответил инвалид и начал метать колоду.

— Что у вас с руками? — не выдержал я.

— Порезался — невозмутимо ответил седой.

Я глядел на грязные бинты, неуклюже замотанные на его скрюченных руках, на осипны на его лице и не верил этим словам. В голове крутилось только одно: проказа. Но делиться своими мыслями с друзьями я почему-то не стал.

Я не играл, а хозяин дома сидел на прикупе. Больше всего взяток пришлось на долю моего товарища. Он еще думал, шутка это была или нет, а к столу между тем подошла маленькая девочка, очевидно, больная чахоткой. Она беспрерывно кашляла, а на белом платьице виднелись капельки крови. Лицо девочки было мертвенно-бледно, а черные глаза мерцали неестественным блеском.

— Проводи гостя, пожалуйста, — сказал хозяин дома, обращаясь к ней.

Девочка протянула руку товарищу, он кинул на нас умоляющий взгляд.

— Карточный долг, сударь, — долг чести, — высокопарно напомнил инвалид, и девочка повела моего попутчика куда-то за лестницу.

Я присоединился к игрокам. Снизу донеслись странные звуки, и стало неуютно.

Друг за другом отправились в подвал майор со своим попутчиком. Инвалид неизменно умудрялся взяток не брать, даже при двух тузах на руках.

Оставшись наедине с хозяином дома, я приготовился метать колоду, но странный человек развернулся и поехал прочь от стола.

— Куда же вы? — спросил я с недоумением.

— Игра окончена, — ответил инвалид, ловко взбираясь по лестнице, ведущей на второй этаж.

— А мои товарищи, почему не идут сюда? — Мой голос, казалось, не принадлежал мне более.

— Не хотят! — И странный человек вновь разразился приступом гомерического хохота. — Вот такая вышла занятная партия!

Он скрылся, и свечи мгновенно потухли. Гостиную накрыл мрак, а затем в камине сам собой вспыхнул огонь. В отчаянии я схватил горящее полено и бросился туда, куда отводила моих попутчиков девочка. За лестницей был вход в подвал, и крышка люка была открыта. Я догадывался, что увижу нечто ужасное, но все равно пошел туда, ведомый какой-то неизъяснимой силой. Слабое пламя колыхалось, и темные птицы теней, махая огромными рваными крыльями, разлетались при моем приближении. Свет выхватил из мрака ноги, и я узнал щегольские сапоги майора. Он висел, подвешенный к потолку. На глазах у него были игральные карты. Я поднял полено, и карты, как бабочки, упорхнули прочь, открыв зияющие окровавленные глазницы. Ноги сами понесли меня наверх, и крик застрял в сдавленной ледяным ужасом груди.

Я пришел в себя только тогда, когда вызванные ямщиком солдаты выводили меня из дьявольского дома.

Оказалось, что в усадьбе уже давно никто не живет и там не могло оказаться ни странного инвалида, ни маленькой девочки. Я был обвинен в умышленном и зверском убийстве трех человек, и не миновать бы мне пожизненной каторги, если бы не врачи, обнаружившие у меня явные признаки помешательства...»

Старинная статья произвела на меня двоякое впечатление: с одной стороны, было лестно, что наша семья поселилась в месте, о котором писали еще сто лет назад, в одной из известнейших по тем временам газет; с другой — гнетущее состояние усилилось. Я обвел взглядом комнату и обратил внимание на старинное ободранное пианино, стоявшее в углу. Его крышка,

как и тогда, была открыта. Сохранился с тех пор и стол, покрытый зеленым сукном. Запомнилось место в статье, где говорилось о подвале, и мне захотелось проверить, существует ли он на самом деле. Я прошел за лестницу и в самом углу обнаружил тяжелую деревянную крышку на огромных кованых петлях. На полу и крышке были железные кольца, сквозь которые проходила дужка ржавого навесного замка. В замке торчал длинный ключ. Сердце замерло: дом словно перенес меня в те давние времена, когда призрачная девочка водила сюда незадачливых игроков. Я повернул ключ, снял замок и, поднатужившись, открыл крышку.

Запах старины и пыли из подвала начал обволакивать меня со всех сторон. Электрическую проводку в доме делали, видно, в то время, когда в деревнях и селах выполняли лозунг Ильича: «Коммунизм – есть Советская власть плюс электрификация всей страны», и с тех пор не обновляли. Перекрученные провода проходили прямо по стенам. Я пробежал глазами по желтой длинной змейке и обнаружил старый эbonитовый выключатель. При попытке включить свет он отчаянно заискрил, и вскоре в подвале загорелась тусклая лампочка. Вниз вели деревянные ступени, стершиеся от времени. Я спустился и огляделся. Большое помещение было завалено разным мусором и старыми вещами. С потолка, около лестницы, свисал длинный шнур, завязанный петлей. Вспомнился отставной майор. Внезапно в ушах послышались голоса:

«Здравствуй, Борис, здравствуй. Добро пожаловать в Чертовку».

Волоски на всем теле встали дыбом, появилась ноющая слабость. Ноги сами меня вынесли наверх, хотя внутренний голос убеждал остаться.

Остаток вечера прошел скучно. Я неожиданно сделал для себя вывод, что, несмотря на великолепие здешней природы и спокойную атмосферу, целительный воздух и прочее, Лена с Верочкой как-то незаметно отдалялись от меня. Впрочем, я был настолько поглощен изучением истории этого дома, что не придал этому значения.

Этой ночью я впервые спал неспокойно. Я ворочался, стонал и комкал одеяло, отчего Лена, не выдержав, раздраженно сказала, что я мешаю ей спать. Я выпил стакан воды и, чертыхаясь вполголоса, отправился в другую комнату. Там было прохладней, и я быстро уснул.

А под утро произошло нечто страшное, и мой разум до сих пор не в силах дать адекватную оценку происшедшему. Я отчетливо услышал какой-то неясный скрип, будто кто-то двигается в мою сторону. Вскоре до моего слуха донеслось натужное дыхание, запахло протухшей едой. Все еще думая, что это очередной кошмар, я разлепил веки. Надо мной нависла какая-то сгорбленная фигура, сложив перед собой, как в молитве, скрюченные руки. Моего носа коснулась какая-то тряпка, от которой исходила невыносимая вонь. Я полностью открыл глаза и чуть не закричал от ужаса – надо мной, сидя в инвалидной коляске, склонился седой мужчина с худым, ухмыляющимся лицом, а то, что коснулось моей щеки, было обрывком грязного бинта, мокнувшего от незаживающих язв сумасшедшего.

Задыхаясь от вони и ужаса, я перевернулся на бок и скатился с кровати, больно стукнувшись локтем об пол. За спиной раздался тихий смех, за которым последовал скрип – Седой выехал из комнаты.

Меня тряслось, зубы выбивали отчаянную дробь. Господи, что это, сон?

Галлюцинации? Ведь только совсем недавно я читал записи о странном седом мужчине! И если я действительно видел этого урода, то куда он поехал?!

Пошатываясь, я встал на ноги. На цыпочках подошел к двери и прислушался. Тишина. Я осторожно вышел из комнаты и направился туда, где спала Лена с дочкой. За окном уже светило, звонкий птичий щебет возвещал о рассвете.

Жена с дочерью мирно спали, Верочка доверчиво прижалась щекой к плечу Лены. Я глубоко вздохнул и потер лоб. Чертовщина какая-то. Оdevшись, я, соблюдая все меры предосторожности, обследовал дом. Никаких следов посторонних не было. Оставалось лишь надеяться,

что я действительно видел сон. Я очень хотел в это верить, но образ страшного лица с грязными седыми волосами еще долго стоял перед моими глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.